

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky finanční podpoře, udělené roku 2009 Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy v rámci Rozvojového programu č. 7 projektu Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci: *Program na podporu talentovaných studentů a absolventů bezprostředně po ukončení studia.*

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP
Biskupské náměstí 1
771 11 Olomouc
e-mail: prodejna.vup@upol.cz

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. XLVIII
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 1
Olomouc 2009

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

Нина Владимировна Барковская: Книга стихов как актуальная сверхжанровая форма в современной русской поэзии	5
Светлана Михайловна Белякова: Языковые трансформации традиционной русской культуры, или между волком и медведем	11
Александр Бирих: Фразеология в русском аргю	17
Светлана Юрьевна Богданова: Проблема реконцептуализации пространственных отношений в русских приставочных и английских фразовых глаголах	23
Войцех Хлебда: Непереводимость в переводном словаре	27
Улрике Йекуч: Мава галицийская в творчестве Велимира Хлебникова	33
Йитка Комендова: Образ язычников в Житии Стефана Пермского и латинской средневековой миссионерской агиографии.....	39
Чеслав Ляхур: Семантические типы каузальных отношений и система вторичных предлогов	49
Константин Михайлович Левитан: Специфика юридического перевода	55
Валерий Михайлович Мокиенко: Проблемы лексикографирования жаргонной фразеологии	59
Вячеслав Алексеевич Поздеев: Мифопоэтические аспекты рассказа М. Горького «Дед Архип и Ленька»	69
Олдржих Рихтерек: «Стихотворения Юрия Живаго» из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» в чешской переводе	77
Алексей Васильевич Снигирев: Феномен Дмитрия Goblina Пучкова: Альтернативный перевод	83
Ирина Михайловна Вознесенская – Татьяна Игоревна Попова: Интернет-общение: стратегии реагирования на ошибки	89

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

Ладислав Воборил: Международная конференция Оломоуцкие дни русистов отметила свой XX юбилей	95
---	----

KRONIKA – CHRONICLE – ХРОНИКА

Pokyny pro autory	99
-------------------------	----

НИНА ВЛАДИМИРОВНА БАРКОВСКАЯ

Россия, Екатеринбург

КНИГА СТИХОВ КАК АКТУАЛЬНАЯ СВЕРХЖАНРОВАЯ ФОРМА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ¹

ABSTRACT:

On base of A. Rodionov's book "The People of Hopelessly Out-of-date Trades", potentials of the lyric book as complex art unity are examined. This structure allows to overcome lyrical monologism, to express the relation of poets of young generation to the world, and to reveal attempts of their self-identification.

KEY WORDS:

The book of verses – modern youth poetry – internet generation – intersubjectivity – lyric plot – leitmotif – grotesque.

Лидер молодых поэтов Дм. Кузьмин полагает, что в 2003 г. в поэзию пришло новое поколение, «поколение Интернет», тогда – 20-летние, сейчас им под тридцать [Кузьмин 2008: 15]. Представлено это поколение проектом «Вавилон» (альманах и сайт), клубом «Дебют» (руководитель проекта Виталий Пуханов, издательство «АРГО-РИСК»), премиями «Дебют», «Молодежный триумф», конкурсом «ЛитератураРентген», поэтическими сериями «Поколение», «Новая серия», журналом «Воздух», антологией «Девять измерений» (2004), интернет-обзорами новых поэтических книг Д. Давыдова, активно поддерживает их И. Кукулин в журнале «Новое литературное обозрение». Именно концепт «поколение» позволяет как-то проанализировать современную поэтическую ситуацию. Одна из важнейших проблем в поэзии «тридцатилетних» – проблема личностной самоидентификации. Молодым важно ощутить «локоть» Другого, идентифицировать себя через отношение к Другому, через свое сходство и отличие от него. Отсюда такие черты поэзии молодых, как лириче-

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Современный литературный процесс: тенденции и авторские стратегии» при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», госконтракт № 02.740.11.5002.

ская полисубъектность, тяготение к опосредованному лиризму и нарративности, экстравертность, стремление вернуть живой голос.

Реализовать эти черты позволяет, прежде всего, поэтическая книга, преодолевающая родовую фрагментарность лирического произведения, формирующая целостный образ мира. Книга стихов – излюбленная форма организации в современной поэзии: книги дебютные (например, в серии «Поколение») и книги этапные (как «Совершеннолетие» Веры Павловой), книги-блокбастеры («Русская версия» Е. Фанайловой) и книги итоговые («Семейный архив» Б. Херсонского), книги-картинки (А. Родионов «Морро Касл», иллюстрации И. Спорыхина) и книги-рукописи (В. Павлова «Письма в соседнюю комнату: Тысяча и одно объяснение в любви»).

Андрей Родионов (род. в 1971 г.) – один из наиболее ярких молодых поэтов. В 2006 г. он был удостоен молодежной премии «Триумф». Книга стихов «Игрушки для окраин» стала пятисотой книгой издательства «Новое литературное обозрение» (2007). Последняя книга А. Родионова – «Люди безнадежно устаревших профессий». Сочетание красочных описаний житейских ужасов, остранный взгляд автора и небольшие дозы фантастики делают истории Родионова чрезвычайно зрелищными [Сваровский 2008: www.bg.ru/article/7250]. И. Кукулин назвал повествователя, рассказывающего дикие истории в стихах Родионова, «включенным наблюдателем»: он изучает законы «окраинного» мира на самом себе». Критик охарактеризовал важнейшие черты творчества Родионова: «будучи летописцем российских 1990-х, это поэт, тяготеющий к жанру баллады. Он описывает повседневное существование как коллективное взаимное изнасилование, опираясь на опыт урбанистики Некрасова, Брюсова, Блока, Маяковского, а также – С. Черного и И. Холина. Язык и сознание его героев – чудовищное лоскутное одеяло, в котором агрессивный мат смешан с цитатами из книг, фильмов, компьютерных игр. Цитаты становятся гротескным «ключом», остраивающим литературные сюжеты. Герой Родионова не бунтует, а анализирует, гротеск сочетается с жалостью к человеку и элегическими интонациями, хотя манера читать у Родионова – скоморошеский «рэп» [Кукулин 2007: 132–153].

В книге «Люди безнадежно устаревших профессий» герой Родионова перемещается с окраин в центр капитализированной Москвы, которая представлена царством смерти: «убийцы и мертвые, вот кто жить там привык» [Родионов 2008: 62]. Мозаика историй разных персонажей, со сквозными мотивами насилия и смерти, воссоздает детализированный образ Москвы, в духе «гротескного реализма». Но уже название книги делает центральным собирательный образ творческой интеллигенции: музыкантов, артистов, поэтов – тех романтиков, которые «безнадежно устарели».

В книге четыре раздела, обозначенных цифрами. В самом общем виде движение тематических мотивов можно прочертить так: 1. раздел – устаревшие романтики, 2. раздел – жалость к обездоленным (*гирляндам съедобных фонариков / по кисельным столицам берегам*), 3. раздел – Москва, стоящая на костях человеческих, 4. раздел – мир без поэзии (*это уже не талант – способность*

продлевать агонию, / игра после шаха и мата, паршивая жизнь, не игра). Динамичного движения сюжета нет, четыре раздела по кругу развивают одни и те же мотивы (музыка, поэзия, любовь, насилие, смерть), создавая ощущение топтания на месте, замкнутого круга, подобно тому, как, по словам Родионова, Москва болтается внутри дороги кольцевой, как в удавке [Родионов 2008: 62]. Круговая композиция выражает также мысль о повторяемости событий в российской истории: предпоследнее стихотворение в книге – антиутопия в духе фэнтези о судебном процессе 2037 г. Как правило, логику сюжета проясняет сопоставление первого и последнего стихотворений в книге. В книге Родионова первое стихотворение намечает конфликт романтиков и обывателей. Последние строки финального в книге стихотворения говорят о «золотых поэтах» на золотом Арбате. Однако анализ субъектной организации книги показывает, что на самом деле конфликт другой: между поэтом-неудачником и торжествующей «литературной шоблой».

Этот конфликт реализован в столкновении песенного и говорного типов интонации. Первый преобладает в тех стихотворениях, которые выражают переживания лирического героя, второй – там, где автор дистанцируется от рассказанных историй. Так, в 1-м разделе есть стихотворение о музыканте, который, играя в электричке, слил две мелодии:

*Бетховена милого, где «Из края
в край перехожу» в стране немчуры,
он с гимном Российским смешал угорая
по пьяни, во время кларнетной игры
подумал – смешаю для родины славы
ведь немцы порой даже руководили нашей страной
Россия – священная наша держава
и мой сурок со мной...*

Четырехстопный амфибрахий, воссоздающий мелодию гимна, соседствует с трехстопным хореем (*и мой сурок со мной*), дополнительное напряжение вносят внутристрочные паузы, подобие цезур (*и пел президент / и все остальные*) и нарушения силлабо-тонической схемы в отдельных строках. В две прямо названные мелодии вплетаются песни из советского репертуара: революционная «Каховка» на слова М. Светлова и «Я в лесу пил березовый сок...» на слова Е. Аграновича из фильма «Ошибка резидента», в результате создается образ драматичной российской истории XX в. Немецкая «бетховенская» тема влечет за собой образ Кюхельбекера, подключая ассоциации с немецким романтизмом и культом дружбы поэтов пушкинского круга, декабристами и их поражением, тобольской ссылкой...:

*он страшен, этот музыкант. Где он? Где же?
я не могу отыскать его нигде
он не местный, наверное, он нездешний,
он похож на Кюхельбекера. Где ты, Вильгельм?*

Шаблонная присказка побирушек («Сами-то мы не местные») соседствует с эпитетом «нездешний», образ нищего музыканта приобретает балладную окраску – он, как Орфей, зачаровывает людей, начинающих видеть, *какая прекрасная форма / у мертвых лип и у мертвых тополей*, и появляется надежда: *жива так где-то, укрытая горем / Россия священная, мой сурок*.

В стихотворении десять строф. 1-я и 2-я – рисуют образ музыканта со стороны («он»), 2-я и 3-я – раскрывают сознание музыканта (его «я») в форме несобственно-прямой речи, в 5-ой и 6-ой – соборное «все» («мы»), последние четыре строфы – в зоне сознания лирического героя, его прямое высказывание. Таким образом, устанавливается диалог сознаний, интерсубъективность. Хотя финал стихотворения горько-ироничный (*богаче богатых, беднее бедных / по небу летают пустые кульки*).

Во втором разделе книги образ лирического героя снова соотносится с Кюхельбекером в стихотворении «Внутри дома двор, в нем так пусто...». Казалось бы, лирический герой выбирает позицию бунтовщика по отношению к новым хозяевам жизни, делящим «капусту»-валюту и выселившим артистов. Но выражено и сомнение в успешности такой позиции: голос осени прерывает монолог героя, в слове «декабристы» сталкиваются два значения: заговорщики 1825 г. и комнатное растение, кактус с мягкими листьями. Иронический финал отсылает к накарябанному на стене слову, а «артист» осмысливается как «озорник», «шутник».

В этом же втором разделе помещено стихотворение, рисующее образ известного русского поэта, с которым сливается лирический герой – в жесте отсутствия («Пауза... как-то неловко...»). Ситуация (герой обращается к любимой, чтобы «развеселить») перекликается со знаменитым стихотворением Н. Гумилева «Жираф», но ирония заключается в том, что рассказывается вовсе не сказочный сюжет из «Тысяча и одной ночи». Безвестный поэт, русский Беранже, сравнен с рабом из романа Г. Бичер-Стоу и вызывает память не столько о французском романтике, писавшем антибуржуазные стихи, сколько об Актере из пьесы Горького «На дне». Последняя строфа уравнивает «дядю Толю» и лирического героя – у них одинаково горькая судьба (не случайно: **моя** Перловка).

В третьем разделе окончательно определяется позиция лирического героя. Образцом стоицизма и внутреннего аристократизма для него является прачка тетя Шура [Родионов 2008: 83–84]: она всю жизнь стирала театральные костюмы, а когда ей приказали стирать рабочие спецовки, она предпочла умереть. Лирический герой заключает: *по твоему примеру – что касается литературы, / хочу, чтоб и со мной нечто подобное было*. Завершает третий раздел обращение к «русскому грустному кусточку», посаженному в сквере на месте ямы, в которой убивали и кололи наркотики, он *один, одинешенек, милый сыночек / колючей проволоки, стальных решеток*. Конец стихотворения усиливает мотивы тоски, бесприютности, обреченности.

Близким Другим («**ты**») для лирического героя оказываются Кюхельбекер, Беранже, безвестные «маленькие» люди. По контрасту, «чужими» показав-

ны успешные поэты – «поэты, которых принимают всерьез» [Родионов 2008: 15]. Это конформисты, которые «заполнили все трещины, все лакуны, все неправильности сгладили и углы». Последнее стихотворение в книге рассказывает об организаторах международных поэтических премий – мафии, сделавшей стихи средством наживы. Итак, книга стихов как сложное художественное единство позволяет преодолеть лирический монологизм, выстроить систему разных голосов, с которыми авторский голос либо звучит в унисон, либо контрастирует. Авторская позиция предстает весьма неоднозначной, образ «людей безнадежно устаревших профессий» расслаивается, а художественный мир преодолевает лирическую фрагментарность, отражает жизнь общества в определенный историко-культурный период.

Использованная литература:

- КУЗЬМИН, Дм. (2008): *Хорошо быть живым*. Новое литературное обозрение. М.
КУКУЛИН, И. (2007): Работник городской закулисы. In: А. Родионов: *Игрушки для окраин*. Новое литературное обозрение. М.
РОДИОНОВ, А. (2008): Люди безнадежно устаревших профессий. In: *Новое литературное обозрение*. М.
СВАРОВСКИЙ, Ф. (2008): Поэт Федор Сваровский – о новом популярном способе писать стихи. In: *Большой город*, № 1 (198). (8 февраля 2008).

СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА БЕЛЯКОВА

Россия, Тюмень

ЯЗЫКОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, ИЛИ МЕЖДУ ВОЛКОМ И МЕДВЕДЕМ

АБСТРАКТ:

The article deals with features of transformation of the elements belonging to the traditional Russian culture: the linguistic images of bear and wolf. On base of modern belles-lettres and publicistic texts analysis, it is concluded that development of the *bear* linguistic image is confined to the traditional national conceptions whereas the *wolf* image, which is close to the all-European cultural stereotype, acquires new connotations in the Russian language.

KEY WORDS:

Ethnolinguistics – traditional culture – linguistic images of bear and wolf.

Одной из важных проблем современного гуманитарного знания является проблема изучения происходящей в наши дни трансформации традиционной культуры, в том числе и в ее языковом воплощении. Весьма «чувствительным» слоем лексики являются зоосемизмы, т.е. наименования животных, способные в силу различных коннотаций развивать переносные значения. Образы животных, диких и домашних, – чрезвычайно мифологизированная область действительности и человеческого сознания, что находит отражение и в русской культуре.

Среди всех диких животных волк и медведь являются, на наш взгляд, прототипическими для русского языкового сознания. Их восприятие в традиционной культуре отражено в пословицах и материалах словаря В. Даля. Кроме того, имеются солидные работы этнографов и фольклористов, посвященные мифологии животных. Таким путем мы можем условно определить некую точку отсчета, в сравнении с которой выявляются трансформации языковых образов названных животных.

Следует отметить и непреходящий интерес к теме лингвистов. Таковы, например, работы Б. А. Успенского, В. И. Жельвиса, О. Е. Фроловой, Т. В. Козло-

вой, И. В. Холманских и др. Однако языковые образы различных животных представлены в них скорее статично, нас же интересует их динамика, развитие под влиянием различных культурно обусловленных факторов, действующих в современном обществе, а также векторы развития и степень удаленности от традиционного облика. Такое направление науки может быть названо «перспективной этнолингвистикой» (в отличие от диахронической, или ретроспективной).

Не обращаясь к подробной характеристике исходных образов названных животных в традиционной русской культуре, отметим лишь, что при типологическом сходстве они асимметрично отражены в лексике нашего языка. Так, слово *медведь*, кроме прямого значения, имеет зафиксированное в словарях (в частности в МАС) переносное, характеризующее человека (главным образом, со стороны внешности и поведения). Кроме того, *медведь* (*медвежонок*) – это популярная детская игрушка. Медведь – единственное животное, имеющее в русском узусе полный набор собственных имен, совпадающий с традиционным именованием мужчины: *Михаил (Михайло) Иваныч (Потапыч) Топтыгин*. Волк, по данным толковых словарей, это только «хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски...» (МАС). И лишь фразеологизмы отражают возможность использования этого слова для характеристики человека. Однако картина, представленная лексикографическими источниками, не отражает всех оттенков современного употребления этих слов. Обращение к речевому материалу позволяет нам увидеть очень широкий спектр ассоциаций, порождаемый традиционными, на первый взгляд, образами.

Основным источником материала послужил электронный вариант «Национального корпуса русского языка» [www.ruscorpora.cz]. В извлеченных контекстах главное внимание уделялось лексемам *волк* и *медведь*, получившим коннотативную семантику. Обладающими такой семантикой нами признаются слова в следующих употреблениях: 1) переносное значение – характеристика человека, 2) входящих в состав сравнительных оборотов, 3) используемых в прецедентных текстах или отсылающих к ним.

Приведем вначале некоторые цифровые данные. Всего в составе «Национального корпуса русского языка» содержится 2111 документов и 8057 вхождений со словом *волк* (в разных грамматических формах) и 1664 документа и 6350 вхождений – со словом *медведь*, т.е. объемы материала вполне сопоставимы. Мы обработали по 30 страниц с каждым из этих слов и получили 521 пример на слово *волк* и 561 пример – на *медведь*. Соотношение номинативной и коннотативной семантики составило: *волк* – 57 % / 43 %, *медведь* – 69 % / 31 %. Уже эти данные свидетельствуют о большем ассоциативном потенциале образа волка, кроме того, этот потенциал реализуется гораздо разнообразнее, что мы и покажем далее.

Начнем с медведя. Одно из популярных направлений развития образа представляется вполне традиционным, хотя ни в словаре В. Даля, ни в классическом фольклоре оно не обнаруживается. Это медведь как символ нашей страны, «живой тотем России». Такая символика представляется, в первую оче-

редь, «экспортным вариантом» и часто имеет оттенок легкой иронии. См., например: «...среди западных бизнесменов стереотип восприятия нашей страны как государства, где по улицам спокойно бродят медведи, сохранялся довольно устойчиво»; «...превращение России в мощного экономического медведя Евразии»; «русская баня такой же символ России, как водка или медведь» и т.д. Не случайно с медведем сравнивали Б. Н. Ельцина, при этом возможной опорой могли выступать как некое внешнее сходство, так и внутренние качества, позволявшие воспринимать его «хозяином» страны.

Однако в западных изданиях подобная бестиарная метафора, применяемая по отношению к России, лишена снисходительно-умиленного оттенка. Так, в британских и американских СМИ, по наблюдениям Н. А. Красильниковой, «Россия – это МЕДВЕДЬ, мощный, сильный, дикий, устрашающий, способный удерживать других в плену» [Красильникова 2007: 94]. Не случаен, разумеется, и выбор изображения медведя в качестве символа партии «Единая Россия». Это явная отсылка к «живому тотему». Такая символика позволяет именовать членов партии «медведями» и создавать различные каламбуры, например: «ленивым «медведям» пообещали собачью смерть», «когда поют «медведи», «поголовье «медведей» не растет».

В материале достаточно часто встречается отсылка к прецедентным текстам, из которых наиболее популярны сказки с участием медведя, поговорка про двоих медведей в одной берлоге и фразеологизмы *медведь на ухо наступил* (кому-либо) и *делить (продавать) шкуру неубитого медведя*. Популярность последнего фразеологизма может свидетельствовать о прожектерстве как неистребимой черте нашего национального характера.

Одним из ярких признаков медведя считается его физическая сила, вследствие чего возникает ассоциация с крепким, здоровым мужчиной. Так слово *медведь* стало названием российского журнала для мужчин, а также сортов пива («Белый медведь», «Три медведя»). В названиях присутствует и легкая эротическая составляющая, которая отчетливо проявляется, например, в рекламе пива или в анекдотах, обыгрывающих сюжет сказки. Здесь можно увидеть развитие вполне традиционных представлений: это животное в народных верованиях связывалось с идеей плодородия, брачной символикой, мужской силой.

Развитие линии «хозяйственных способностей» медведя привело к появлению лагерно-криминального варианта образа, отраженного в формуле «закон – тайга, медведь – хозяин» (как вариант – «закон – тайга, прокурор – медведь»), свидетельствующей о циничном отношении к соблюдению законов.

Остальные примеры традиционны: это наименования человека по внешнему сходству: «она же ходит косолапо, она же ходит, как медведь»; «докладчика, похожего на медведя: неуклюжий и кудлатый...». При этом справедливо замечание О. Е. Фроловой, что медведь в естественной среде обитания вовсе не неуклюж [Фролова 2005].

Таким образом, можно сказать, что фольклорный образ медведя как добродушного увальня, с одной стороны, и хозяина, обладающего физической си-

лой и сексуальной энергией, – с другой, продолжает превалировать в русском языковом сознании, ассоциируясь также (с некоторой долей иронии) с нашей страной.

Обратившись к волку, мы сразу обнаружим более разнообразную и сложную картину. Прежде всего в этом образе находят отражение такие вполне человеческие чувства и переживания, как одиночество, а также ощущение затравленности, «зафлаженности». См, например: *«знаете, я одинокий волк»; «он был одинокий волк, и это ему позволялось, если не поощрялось»; «в СССР я был единственный литературный волк... Со мной поступили, как с волком. Загнали бы, если б могли»; «живу одиноким волком, поскольку не могу примкнуть ни к какой стае»* и т.п. Обращает на себя внимание тот факт, что если представление о сходстве человека с медведем основано на внешнем облике, то сравнение с волком – на психологическом состоянии личности. При этом с медведем обычно сравнивают другого человека, а сходство с волком – очень часто самоидентификация. Нельзя сказать, что данная линия развития образа очень нова, но и с традиционными представлениями она связана лишь опосредованно – через признак «чуждость», чрезвычайно характерный для мифологического освоения этого животного. Вероятно, такое развитие присуще литературе (и культуре в целом) XX века, где оказалось очень востребованным.

Далее мы отметим мощную линию, связанную с привлечением образа волка для наименования реалий преступного мира, врагов, военизированных (или близких к ним) организаций. См.: *«воры – как волки: долго не живут и почти не приручаются»; «открыт сезон охоты на волков в человечесем обличи»; система рукопашного боя «Стальной волк»; ассоциация байкеров «Ночные волки»; клуб исторической реконструкции «Серебряный волк».*

Прошедшее столетие значительно расширило круг прецедентных текстов с лексемой *волк*. Самым популярным можно считать латинское высказывание *homo homini lupus est*. Вкупе с советской сентенцией *«человек человеку – друг, товарищ и брат»* оно породило массу пародийных лозунгов и каламбуров. Например: *«бюджетник бюджетнику волк»; «музыкант музыканту волк»; «торжествует нормальный принцип естественного отбора: «Человек человеку – друг, товарищ и волк»; «... человек человеку даже не волк, а охотник с дробовиком, заряженным волчьей картечью».*

Прошедший век обогатил «волчье поле» психоанализом З. Фрейда и его художественным воплощением – романом Г. Гессе «Степной волк», песнями В. Высоцкого, волчьей стаей, воспитавшей Маугли, мультфильмом «Ну, погоди!» Все это создало очень мощный ассоциативный потенциал образа. Особенно часты отсылки к Высоцкому, ведь это «творец «новых ценностей», оставивший потомкам свое потрясающее ... завещание» (Д. Карапетян).

Образ волка, существенно развившийся, далекий от традиционного, продолжает оставаться амбивалентным. Хищник, агрессор – и символ воли, неукротимости и неукротимости (С. Аверинцев); сильная и свободная личность – и человек, страдающий от одиночества и отчужденности. Все это мы находим в современных текстах.

Подводя итог и сравнивая образы бурого и серого хищников, скажем, что развитие первого из них лежит в основном в рамках традиционных представлений, он преимущественно «национален», тогда как тяготеющий к более широкому, общеевропейскому культурному стереотипу волк приобретает в русском языке все новые коннотации.

Традиционная русская культура, при всей ее архаичности, в определенных своих чертах продолжает сохраняться и эволюционировать. Что-то вытесняется в сферу общения с детьми, что-то переосмысливается иронически, травестируется, но некоторые ее элементы оказываются востребованными и в условиях современной жизни.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БЕЛОВА, О. В. (2001): *Славянский бестиарий*. М.
- ЖЕЛЬВИС, В. И. (1987): Национально-специфические особенности семантики зоонимов как элемент типологического анализа. In: *Лексическая семантика и фразеология*. Л., с. 30–38.
- КОЗЛОВА, Т. В. (2003): *Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке*. М.
- КРАСИЛЬНИКОВА, Н. А. (2007): «В плену у русского медведя», или современная Россия в метафорах британских и американских СМИ. In: *Политическая лингвистика*. Вып. 1(21). Екатеринбург, с. 92–97.
- МАДЛЕВСКАЯ, Е. (ред.) (2005): *Русская мифология. Энциклопедия*. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А. (1996): *Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры*. Т. 1. М.
- ФРОЛОВА, О. Е. (2005): Люди и звери. In: *Русская речь*, № 2, с. 57–63.

АЛЕКСАНДР БИРИХ

Германия, Гейдельберг

ФРАЗЕОЛОГИЯ В РУССКОМ АРГО

АБСТРАКТ:

The present article is devoted to the ideographical system of Russian argotic phraseological units and to the ways of their building. The analysis that had been carried out confirmed the high degree of anthropocentrism of the argotic phraseology. The most phraseosemantic fields are closely connected to the traits, qualities and actions of a person. At the same time, certain semantic fields (“Fraud”, “Drunkeness”, “Sex”, “Theft”, “Murder”, “Fight”, etc.) appear to be more elaborated in the argot than in the standard language and the spoken language. This can be explained with a special system of values and a special world-view of the argot speakers.

KEY WORDS:

Substandard – argot – phraseology – ideographic characteristic – ways of the argotic building of phrases.

1. Предварительные замечания

В современной языковой ситуации в славянских странах всё большую роль начинают играть субстандартные языковые варианты: *жаргон*, *арго* и *сленг*. Благодаря устранению цензуры в 90-х годах, разработке «тюремно-лагерной» проблематики в литературе и прессе, многочисленным фильмам, телевизионным сериям и романам о гангстерах, бандах, киллерах и т.п. элементы жаргона, арго и сленга широким потоком хлынули в разговорную речь. Их употребление заметно активизировалось и в выступлениях общественных деятелей (ср., например, выражение *мочить в сортире*, использованное В. В. Путиным в одном из интервью, которое после этого стало чрезвычайно популярным).

Сильное влияние субстандарта на славянские языки вызвало огромное количество статей, монографий и словарей, посвященных этому вопросу. Несмотря на это, все же ещё нельзя утверждать, что славянские субстандартные варианты являются полностью изученными. Об этом свидетельствует уже неоднозначность терминов *жаргон*, *арго* и *сленг*, которые к тому же часто употребляются как синонимы, ср. [Walter, Mokienko 2001: 13–14]. Русская языковая энциклопедия констатирует, например, что термин *жаргон* в собственно терминологическом смысле часто заменяют терминами *арго*, *сленг*, а тер-

мин *сленг* характеризуется как «то же, что *жаргон* (в отечественной литературе преимущественно к англоязычным странам)» [Арапов 1998: 461]. Наряду с употреблением терминов *жаргон*, *арго* и *сленг* как взаимозаменяемых синонимов отмечаются и попытки их дифференциации. Так, W. Timroth [Timroth 1983: 90] считает, что термином *арго* следует называть тайные языки торговцев (например, русских офеней-коробейников) и ремесленников-отходников, а термином *жаргон* язык таких социальных групп, как студентов, солдат, моряков, музыкантов, наркоманов, воров, спекулянтов, заключённых и т.д. В. С. Елистратов [1993: 82] определяет *арго* напротив как «сниженный городской язык». М. А. Грачёв [1997: 11ff.] понимает под *арго* лексику деклассированных социальных элементов (т.е. преступников, нищих, бездомных, наркоманов и т.д.). В настоящей статье термин *арго* также употребляется в узком смысле: как язык криминальных и криминализированных элементов (уголовников, воров, мошенников, картёжных шулеров, заключённых, нищих, наркоманов и т.д.) (ср. соответствующие немецкие термины *Gaunersprache* и *Rotwelsch*).

Изучение русского арго в последние годы заметно активизировалось. Появилось значительное число статей, монографий, словарей, описывающих этимологию, семантику, метафорику, заимствования в арго (ср. работы М. А. Грачёва, В. Б. Быкова, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Х. Вальтера и др.). Характерно, однако, что среди многочисленных исследований, посвященных арго, практически единичны публикации, связанные с арготической фразеологией (В. М. Мокиенко, В. Б. Быков, Т. Г. Никитина, Х. Вальтер, С. Каня и некоторые др.), хотя в отдельных работах и указывается на то, что устойчивые сочетания в арго особенно частотны. Анализ различных русских словарей арго, включающих фразеологию (словари В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной, М. А. Грачёва, В. Б. Быкова и др.) полностью подтвердил это мнение. Арго чрезвычайно богато фразеологией. Выбранный из указанных словарей материал был распределён по двум сферам: общеуголовное и специализированное арго и рассмотрен в двух аспектах: а) идеографическая характеристика арготической фразеологии; б) способы арготического фразообразования.

2. Общеуголовное арго

Арготические системы располагают, как правило, общим ядром, которое используется всеми криминальными элементами, и специализированной лексикой и фразеологией, которые характерны лишь для отдельных криминальных групп. Среди специализированной арготической лексики и фразеологии особым богатством отличаются воровское и тюремно-лагерное арго, а также арго наркоманов. Большая часть общеуголовной арготической фразеологии концентрируется вокруг таких понятий как «обокрасть», «огрابتь», «убить», «ударить/избить», «доносить», «обмануть», «выпить», «изнасиловать», «вор», «проститутка» и т.д., т.е. именно тех, которые связаны с нарушениями общепринятой морали. Такие семантические доминанты «обусловлены экстралингвистическими корнями арго, носители которого и своими действиями, и своей речью выражают протест против традиционной морали, презре-

ние к правовым государственным институтам, к обществу, к труду, к женщинам, общепринятым нормам поведения и т.п.» [Mokienko, Walter 2005: 5]. Ср:

а) «обманывать»: *баки вколачивать, вешать лапшу на уши, втирать шары, гнать тюльку, крутить динаму, заправлять туфту, вола водить, жевать мочалку, лепить горбатого, мести пургу, топтать уши, пудрить (парить, втирать, полоскать, компостировать) мозги кому, масло поливать (наливать, подливать), брать на понт кого и т.п.;*

б) «ударить/избить»: *вломить, вправить мозги, дать по рогам, дать пачку, почистить зубы, ввести наркоз, заделать козью морду, котлетку сделать и т.п.;*

в) «убить»: *выдать два квадрата, взять под красный галстук, освежить скотинку, задуть лампаду, отрубить нос по самые яйца, перекрыть кислород, списать в расход, пустить налево, оборвать струну, часы останovit и т.п.;*

г) «умереть»: *врезать (дать) дуба, досрочно освободиться, надеть деревянный бушлат (тулуп), откинуть хвост (коньки, тапочки, копыта), ласты завернуть, сыграть в ящик, путевку получить, уйти налево и т.п.*

д) «красть»: *ходить по музыке, мочить гуся и т.п.*

Особенно разработанными оказываются в арго такие фразеосемантические поля как «Секс» и «Пьянство». Фразеологическое отображение в образной перифрастической форме получают 1) «половые органы»: а) ‘мужской половой орган’: *бабья радость, кожаная игла, кожаный движок, питательный тюбик, пролетарский болт*; б) ‘женские половые органы’: *бабья совесть, мохнатый (лохматый) сейф, цветок жизни* и т.п. 2) «различные виды сексуальных отношений»: а) ‘половой акт’: *бросить (кинуть) палку, загнать дурака под кожу, пистон поставить, врезать шершавого, посадить на болт (на кол), поставить градусник*; б) ‘орогенитальный акт’: *курить кожаную трубку, играть на дудке, брать/взять (принимать, кидать, давать) на клык*; в) ‘половой акт анальным способом’: *дать в соседку кому, прочистить духовку кому, дуть в очко кого, кому*; г) ‘заниматься онанизмом’: *держат свайку, гонять Дуньку Кулакову, дрочить балду, катать шары* и т.д.

Поистинно неисчерпаемой является в арго тема «Пьянство». Устойчивыми сочетаниями обозначаются в этом семантическом поле такие понятия как 1) ‘спиртные напитки’; 2) ‘пить, пьянствовать’; 3) ‘быть в состоянии опьянения’ и т.д. Каждая из названных групп может быть подвергнута дальнейшей дифференциации. Из спиртных напитков фразеологические наименования имеют, например, водка (*белая головка*), самогон (*молочко от бешеной коровки, сумасшедшая вода*), спирт (*вечный двигатель, гремучая смесь*), спиртосохраняющие жидкости (*пляска смерти*), денатурированный спирт (*коньяк две косточки*), низкосортное вино (*кровь сатаны*) и т.д. Фразеологизмы со значением ‘пить, пьянствовать’ характеризуют различные этапы этого процесса. Устойчивыми словосочетаниями обозначаются следующие понятия: а) ‘выпить спиртного’: *принять на грудь, раздавить банку, плеснуть под жабры*; б) ‘напиться пьяным’: *залить хавло*; в) ‘пьянствовать’: *играть в литрбол*

и т.д. Основную часть ФЕ семантического поля «Пьянство» составляют, однако, обороты, выражающие ‘состояние опьянения’. Среди них можно выделить две смысловые группы: 1) ‘ФЕ, характеризующие нетрезвое состояние безотносительно к степени опьянения’. Сюда относятся прежде всего фразеологизмы, в основе которых лежат предложно-падежные модели а) «под + сущ. в творит. пад.»: *быть под банкой., под бухом*; б) «в + сущ. в предложн. пад.»: *быть в дыму*; в) «на + сущ. в предложн. пад.»: *быть на стакане*; 2) ‘ФЕ, характеризующие сильное опьянение’. Значение максимальной степени опьянения выражается преимущественно фразеологической моделью «пьяный (или напиться, нажраться и т.п.) + в + сущ. в винит. пад.» = ‘о сильном опьянении’ (ср. *пьяный в дупель, в лом, в дребадан* и т.п.).

3. Специализированное арго

Идеографическая характеристика арготической фразеологии показала также, что в ее составе намного больше устойчивых экспрессивных оборотов, являющихся первичными обозначениями различных предметов, действий или явлений, чем в литературной или разговорной фразеологии. Они, как правило, не имеют точных эквивалентов в литературном языке или просторечии. Устойчивые словосочетания этого типа относятся к специализированным арготическим фразеологизмам. В *воровском арго* подобными выражениями обозначается, например, большая часть способов кражи. Ср.: *брать/взять бабочку* ‘совершить кражу через форточку’, *идти на колеса* ‘совершать кражи в общественном транспорте’, *принять/принимать лопатник* (‘бумажник’) ‘совершить карманную кражу’, *покупать скулу* ‘совершать кражу из бокового кармана’. Специальные обозначения получают также различные приспособления, инструменты для кражи, взлома сейфов и т.п., ср. *гусиная лапа* ‘воровское приспособление в виде консервного ножа для вскрытия сейфов’. В тюремно-лагерном арго фразеологические обороты отмечаются в следующих тематических группах: а) «названия тюрем или исправительных учреждений (ИУ)»: *дом отдыха, дом родной*; б) «названия категорий заключённых»: *вор в законе* ‘представитель высшей касты на свободе и в ИУ’, *смотрящий зоны* ‘второй после вора в законе заключённый, следящий за порядком в ИУ’, *пахан хаты* ‘заключённый, следящий за соблюдением воровских законов в камере’ и т.п.; в) «названия статей уголовного кодекса, по которой отбывают наказание»: *иметь рубль сорок пять* ‘отбывать наказание по сто сорок пятой статье – за грабёж’ и т.д. В арго наркоманов специальные обозначения получают а) «различные виды наркотиков»: *травка божья* ‘гашиш’, *калики-моргалики* ‘таблетки, содержащие наркотическое вещество’; б) «различные этапы внутривенного введения наркотиков»: *трубы качать, гнать (пустить, двигать/двинуть) по вене* ‘вколоть наркотик’; в) «различные этапы курения наркотиков»: *забить (заколотить, прибить, приколотить) косяк* ‘набить папиросу, сигарету наркотическим веществом’, *свернуть (смять) пятаку* ‘подкрутить конец докуриваемой папиросы, чтобы уплотнить наркотикосодержащую часть и выкурить ее без остатка’ и т.д.

4. Способы арготического фразообразования

В сфере арготической фразеологии действуют те же способы фразообразования, что и в литературном языке и его разговорной разновидности. Наиболее распространенным типом фразеологизации является полное или частичное семантическое переосмысление переменных словосочетаний на основе различных тропов и фигур (метафоры, метонимии, сравнения, перифразы и т.п.).

4.1 *Метафорическое* преобразование, в основе которого лежат ассоциации по сходству, отмечается в арготической фразеологии особенно часто. Источники метафорических субстандартных ФЕ во многом совпадают со сферами, откуда черпаются разговорные фразеологизмы. Прежде всего это организм человека, его бытовая жизнь и ближайшее окружение (*делать/сделать ноги* 'уходить, убегать, скрываться', *припудрить нос* нарк. 'принимать наркотики через нос', *забить гвоздь* 'вести кого-л. в заблуждение, обмануть', *играть на гитаре* 'совершать половой акт' и т.д.). К специфически арготическим метафорическим ФЕ относятся устойчивые словосочетания с компонентами, связанными с криминальным миром, наркоманией и т.п. (*чесать фраера* карт. 'обманывать в карточной игре кого-л.', *взорвать косяк* нарк. 'выкурить сигарету, начиненную наркотическим веществом' и т.д.).

4.2 Значительно реже встречаются в субстандартной фразеологии устойчивые обороты, основанные на *метонимии* (включая *синекдоху*) (*шевелить коленями*, 'убегать, скрываться', *давать/дать на лапу кому что* угол. 'давать взятку кому-л.'). В отличие от метафорического переосмысления, которому подвергается преимущественно все словосочетание в целом, метонимическое преобразование часто затрагивает и отдельные компоненты ФЕ. Частичная метонимизация характерна, например, для соматических фразеологизмов (*шерудить мозгами* 'думать', *фанерная голова* 'глупый человек', *белая кость* 'высшая воровская каста'). Отдельные метонимические компоненты ФЕ могут приобретать символические значения. Так, слово *доска* связано в арго с понятием 'смерть': в *доску пускать/пустить кого* 'убить [пырнув ножом] кого-л.', *пришить в доску кого* 'убить кого-л. по решению самосуда', *спустить в доску кого* 'убить кого-л.'. Это же значение лежит и в основе жаргонно-разговорного *свой в доску* (т.е. до самой смерти) 'свой, надежный человек'. Развитие этого символа шло, по-видимому, через фразеологизм *до гробовой доски*, где *гробовая доска* также метонимически обозначает 'смерть'.

4.3 Чрезвычайно распространены в арго *перифразы*, часто носящие метафорический или метонимический характер. Перифрастичность арго объясняется прежде всего его стремлением скрыть или смягчить подлинный смысл сообщаемого, ср.: *играть на пианино* (*на аккордеоне, на баяне, на рояле*) 'подвергаться дактилоскопированию', *выдать два квадрата* 'убить кого-л.' и т.п. Перифрастичными фразеологизмами обозначаются чаще всего следующие темы и сферы, связанные с деятельностью людей или отношениями между ними: а) «половые органы и сексуальные отношения»: рус. *бабья радость*, 'мужской половой орган', *лохматый сейф* 'женские половые органы', *кинуть* (*бросить, вставить*) *палку кому* 'совершить половой акт с кем-л.'; б) «пьян-

ствовать»: *играть в литрбол*; в) «умереть»: *надеть деревянный бушлат, копыта откинуть, сыграть в ящик*; г) «употреблять наркотики»: *глотать колеса, торчать по кайфу, сесть (подсесть) на иглу* ‘начать регулярно вводить себе наркотики внутривенно’, *курить травку* ‘курить сигарету с наркотиком’ и т.д.

5. Заключение

Изучение фразеологии в рассмотренных аспектах подтвердило ее высокую значимость в системе арго. Очевидно, что фразеологизмы представлены во всех важных сферах этого социолекта. Способы арготического фразеобразования при этом мало чем отличаются от фразеологизации в литературном языке и разговорной речи.

Идеографическое описание русской арготической фразеологии подтверждает тезис о ее высокой антропоцентричности. Большая часть арготических фразеосемантических полей тесно связана со свойствами, качествами и действиями человека. В то же время отдельные тематические группы («Обман», «Пьянство», «Секс» и т.п.) оказываются в арго более разработанными, чем в литературном языке и разговорной речи. Это объясняется особой системой ценностей и особым взглядом на мир у носителей арго.

Сделанные наблюдения являются лишь первым шагом в изучении арготической фразеологии. Необходимы прежде всего усилия по дальнейшему сбору арготических фразеологизмов в различных славянских языках, т.к. основное внимание часто обращается на лексический и меньше на фразеологический материал. Все еще отсутствует дифференцированное описание арготических ФЕ по их «групповой» принадлежности. Особенно актуальной задачей арготической фразеологии является описание тематических группировок ФЕ. Лишь на этой основе возможно выявление общеарготических и узко специальных фразеологизмов, а также специфики образного мировидения носителей арго.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АРАПОВ, М. В. (1998): Жаргон. Сленг. In: *Большой энциклопедический словарь. Языковедение*. М., с. 151; 481.
- ЕЛИСТРАТОВ, В. С. (1993): Наблюдения над современным городским арго. In: *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. М., с. 80–87.
- ГРАЧЁВ, М. А. (1997): *Русское арго*. Нижний Новгород.
- МОКИЕНКО, V. M., WALTER, H. (2005): *Soziolekte*. Manuskript. Greifswald.
- TIMROTH, W. Von (1983): *Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat)*. München.
- WALTER, H., МОКИЕНКО, V. M. (2001): *Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch*. Frankfurt am M.

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА БОГДАНОВА

Россия, Иркутск

ПРОЯВЛЕНИЯ РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКИХ ПРИСТАВОЧНЫХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛАХ

АБСТРАКТ:

Processes of conceptualization and reconceptualization of spatial relations can be revealed by studying how spatial elements (prefixes in Russian and particles in English) change their meanings and they become more and more abstract. Peripheral meanings of different elements can drift together to represent some particular conceptual domain.

KEY WORDS:

Connotation – family resemblance – modification – orientational scheme – particle – phrasal verb – prefix – prefixed verb – reconceptualization – spatial meaning.

Поскольку модификация глагольного значения по пространственному признаку является обязательной, в каждом языке для этого существует система пространственных элементов (префиксов, наречий, предлогов и т.д.). В русском языке эту функцию могут выполнять префиксы, в английском – послелоги (particles).

В современном русском языке у приставочных глаголов префиксы иногда не совпадают по форме с пространственными предлогами (например, префикс *вы-* не имеет соответствующего предлога в русском языке). Даже носителю языка бывает трудно выделить основные значения префиксов, поскольку они постоянно изменяются в сторону расширения или сужения. Так, в русском языке Д. Н. Шмелевым отмечено расширение значений префиксов *у-* и *при-*. Автор пишет о том, что в плане перераспределения элементов значения слова вследствие изменения роли сопутствующих слову ассоциативных «оттенков значения» показательное **семантическое расхождение** в современном русском языке близких по словообразовательной форме слов *усвоить* и *присвоить*, имевших первоначально общее значение ‘сделать своим’, ‘присоединить’. Затем в качестве существенного семантического признака глагола *усвоить* за-

крепилось отношение к «нематериальным» объектам, в качестве существенного семантического признака глагола *присвоить* – указание на произвольность, незаконность действия. Предшествующая семантика этих слов проявляется в их фразеологически связанных и стилистически ограниченных значениях в такого рода сочетаниях, как *присвоить звание, присвоить имя*, организм *усвоит пищу* и т.п. [Шмелев 1973]. Противоположное направление развития некоторых значений пространственных глагольных префиксов, т.е. их **сближение**, можно наблюдать в следующих группах приставочных глаголов: *обогнать – перегнать, выжидать – пережидать, побить – избить, уронить – выронить, утворить – вытворить – натворить, выгнать – прогнать, въехать – заехать*.

Было проанализировано употребление глаголов *выгнать* и *прогнать* на предмет сближения значений префиксов *вы-* и *про-*, глаголов *утворить, натворить* и *вытворить* на предмет сближения значений префиксов *у-, на-* и *вы-* и фразовых глаголов *cool down* и *cool off* на предмет сближения значений послелогов *down* и *off* на примерах из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [<http://ruscorpora.ru>] объемом 140 млн. словоупотреблений, сети Интернет (преимущественно из форумов) и произведений современных англоязычных писателей. Гипотеза состоит в следующем: несмотря на разные значения пространственных префиксов *вы-* и *про-*, присоединяемых к глаголу «гнать», и префиксов *у-, на-* и *вы-*, присоединяемых к глаголу «творить», послелогов *down* и *off*, присоединяемых к глаголу *cool*, в некоторых контекстах происходит реконцептуализация стоящих за их значениями пространственных представлений, и эти значения сближаются.

По частотности употребления в НКРЯ глаголы *выгнать* и *прогнать* примерно сопоставимы: глагольная форма «выгнать» встречается 525 раз, а глагольная форма «прогнать» встречается 433 раза. Русская пространственная приставка *вы-* репрезентирует отношения, связанные с ориентационной схемой КОНТЕЙНЕР. В случае присоединения к глаголу *гнать* она модифицирует его семантику, указывая на направление «наружу из замкнутого контейнера». Неслучайно поэтому глагол *выгнать* употребляется в контекстах с указанием на место, подразумеваемое в качестве «контейнера»: *из дома, из класса, из комсомола, из компартии, из правительства*. Из таких контекстов понятно, что объект действия находится внутри данного «контейнера», и это ассоциируется у него с положительным отношением, но под влиянием субъекта действия он должен пересечь границу «контейнера» и оказаться снаружи.

Пространственное значение префикса *про-* – указание на отношение удаления, отделения. Как правило, указание на «контейнер» не является существенным для глаголов с этим префиксом, хотя и может встречаться в некоторых контекстах. В проанализированных нами предложениях с глаголом *прогнать* акцент, как правило, делается на удалении, вплоть до полного исчезновения, а не просто выходе за пределы «контейнера». Глагол *прогнать* имеет ряд специфических значений, таких как в контексте «прогнать сквозь строй», где префикс *про-* близок по значению предлогу *через* (*Его за двукратный побег прису-*

дили **прогнать** сквозь строй и дать ему 8 тысяч палок. [А. Архангельский: Александр I (2000)] НКРЯ). Очень часто в качестве объекта действия выступают чувства, мысли, нежелательные состояния («Ерунда, впервые его вижу», – постарался **прогнать** он неясное подозрение. [Л. Дворецкий. Шакалы (2000) НКРЯ])

Тем не менее, существуют контексты, в которых происходит сближение переосмысленных пространственных значений префиксов *вы-* и *про-*, и глаголы *выгнать* и *прогнать* приобретают очень близкое значение. Так, в предложениях (1) речь идет о том, чтобы человек покинул (свой) дом. В предложениях (2) глаголы употреблены для обозначения удаления игрока с поля, во втором примере – фигурально. Несмотря на разные пространственные префиксы контекст позволяет отметить сближение значений приставочных глаголов *выгнать* и *прогнать*, а, следовательно, и значений их префиксов.

(1) «Ольга, разве ты не видишь: как конвой, за нами соблазн совсем других отношений, а мы оба делаем вид, что свободные люди», – сказать так и **прогнать** насовсем из дома. [Т. Набатникова: День рождения кошки (2001)]; НКРЯ; В данный момент я пытаюсь **выгнать** его из дома... [Т. Трошина: Никогда не говори «навсегда» (2004)] НКРЯ.

(2) Он так и не решился **выгнать** с поля Карпина: чудак, наверное, бузит на маневрах. [«Известия», 2002.04.18] НКРЯ; Что соответствующий законопроект изобилует ловушками, позволяющими «**прогнать** с поля» любого «игрока». [«Завтра», 2001.03.15] НКРЯ

Следующие примеры с русскими приставочными глаголами *натворить*, *вытворить* и *утворить* демонстрируют сближение переосмысленных значений префиксов *на-*, *вы-* и *у-*, присоединяемых к глаголу *творить*. Значения данных глаголов различаются по степени проявления негативной коннотации: **натворить** – ‘наделать чего-то нежелательного, предосудительного’ (в основном негативная коннотация); **вытворить** – ‘совершить, проделать что-либо необычное, из ряда вон выходящее’ (негативная коннотация только при соответствующем контексте); **утворить** – ‘совершить что-то необычное, неожиданное’ (нет четкой негативной коннотации). Однако нами выявлены контексты, в которых эти различия практически стираются, и все три глагола проявляют одинаковую степень негативной коннотации. В предложениях (3) негативная коннотация практически отсутствует, на первый план выступает компонент «необычное»; в предложениях (4) негативная коннотация прослеживается; наконец, в предложениях (5) негативная коннотация отчетливо наблюдается у всех трех глаголов:

(3) Чтоб сегодня такого **натворить**, что позволено в этом возрасте (Интернет); Тем не менее, геометрия кузова позволяет автомобилю **вытворять** чудеса и на бездорожье. (Интернет); Вот хочется что-то такое нереальное **утворить**. Пряма завтра с утра. (Интернет)

(4) Че за урод мог такое **натворить**? (Интернет); В свои 19 лет она **вытворяла** ТАКОЕ! (Интернет); «И чего бы такое злостное **утворить**?». (Интернет)

(5) **Натворили** мерзостей, пакостники, и торжествуют. (Интернет); В другой раз, уже парнем, **вытворил** тоже не лучше. [В. Распутин: Последний срок (1970)] НКРЯ; Столько шпаны развелось, спасу нет! Пьяные, обкуранные, чего угодно **утворить** могут... (Интернет)

Пример сближения переосмысленных пространственных значений английских послелогов в составе фразовых глаголов представляют собой предложения с фразовыми глаголами *cool down* и *cool off*. Опрос информантов показал, что в языковом сознании носителя английского языка по-прежнему четко осознается различие между этой парой фразовых глаголов, и есть контексты, в которых эти единицы невзаимозаменяемы. Так, глагол *cool down* чаще используется для обозначения ситуаций, когда речь идет о физических процессах – например, в жаркую погоду можно предложить человеку освежиться в бассейне; *cool off*, напротив, используется тогда, когда речь идет об эмоциональной сфере. Однако выявлены контексты, в которых оба фразовых глагола обозначают охлаждение (6), и контексты, в которых оба глагола обозначают успокоение в эмоциональном плане (7), что свидетельствует о сближении переосмысленных значений пространственных послелогов *off* и *down*:

(6) *The air was hot and still, and I wanted Pappy to drive faster so we could **cool off*** (Grisham); *Immediately after your workout, take time to **cool down**. This gradually reduces the temperature of your muscles.* (Интернет)

(7) *I just played records until I was sufficiently **cooled off**.* (George); *For the rest, Toby advised me to **cool down**, bide my time, and act as if nothing had happened.* (Le Carré)

Таким образом, мы наблюдаем сближение переосмысленных значений русских префиксов и сближение переосмысленных значений английских послелогов при употреблении с определенным глаголом. Представляется, что в основе подобных изменений лежит реконцептуализация пространственных отношений – непрекращающийся процесс расширения пространственных концептов, их сближения по типу семейного сходства и постепенного «стирания» пространственных составляющих на фоне многочисленных метафорических и метонимических переносов [Богданова 2006]. Если в результате действия этих процессов пространственные значения префиксов и послелогов сохраняются, система продолжает успешно функционировать. Иногда данные процессы приводят к необратимым последствиям, и система таких пространственных элементов разрушается. Исследование изменения значений пространственных элементов позволяет выявить сходства и различия концептуализации мира носителями русского и английского языков.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

БОГДАНОВА, С. Ю. (2006): *Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов*. Иркутск.

СИЗОВА, И. А. (2004): К вопросу об истоках фразовых глаголов в английском языке. *Ип: Вестник НГУ*. Том 2. Вып.1. Новосибирск. С. 149–156.

ШМЕЛЕВ, Д. Н. (1973): *Проблемы семантического анализа лексики*. М.: Наука.

ВОЙЦЕХ ХЛЕБДА

Польша, Ополе

НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ В ПЕРЕВОДНОМ СЛОВАРЕ

АБСТРАКТ:

The author presents how the untranslatable units of language are being dealt with by the authors of Polish to Russian dictionaries. A bilingual dictionary should not only assist in practical translation, it should also carry metalinguistic information, including information on the asymmetry across two linguistic systems (lexical gaps). The author demonstrates several means for the bilingual dictionaries to be useful in both these tasks.

KEY WORDS:

Untranslatability – bilingual dictionary – translation equivalent – text.

Непереводимость видится исследователями в нескольких ракурсах. Реже всего – как неумение перевести то или иное языковое явление, т.е. как свойство переводчика. В другом ракурсе непереводимость отождествляется с безэквивалентностью [Верещагин, Костомаров 1976], отсутствием в языке *B* единиц языка *A*, или межъязыковой лакунарностью. В этом контексте чаще всего говорят о «реалиях», т.е. «словах, называющих элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т.е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам» [Влахов, Флорин 1980: VI], хотя лакунарность охватывает также названия чувств, эмоций, межчеловеческих отношений, а также абстрактные понятия и категории (напр., *Schadenfreude*, *l'embarras de richesse*, с *жирю беситъся* по отношению к польскому языку). В-третьих, непереводимость понимается как свойство текста, признак высказывания, для которого нельзя найти эквивалентное высказывание в языке *B*. В переводоведении существует мнение, что тексты переводимы в принципе, и «то, что невозможно в отношении отдельного элемента, возможно в отношении сложного целого» [Федоров 1968: 144]. Возникли целые системы приемов «перевода непереводимого», т.е. компенсации непереводимых мест текста [Влахов, Флорин 1980: 87–93; Бархударов 1975: 190–231; Hejwowski 2004: 76–83].

Что возможно в тексте, затруднительно или невозможно в словаре. Словари отличаются «точечностью» своей структуры: если обычный текст пишется «сплошной линией», словарь пишется «пунктиром», в случае же переводного словаря – двумя параллельными пунктирами. Если на двуязычный словарь посмотреть с некоторой высоты, мы не обнаружим никакой безэквивалентности: пункт соответствует пункту, слово *A* стоит против слова *B*, фразеологизм против фразеологизма, единица языка *A* против единицы языка *B*; пустых мест по правую сторону словаря нет. Это понятно с психологической точки зрения: лексикограф боится, что если он оставит «пустое место», его упрекнут в отсутствии профессионализма, в языковой некомпетентности, скажут, что «не нашел», «не справился»; в результате он стремится заполнить все места правой стороны словаря даже через силу, во что бы то ни стало и нередко любым языковым материалом. Проблема в том, что словник исходного языка состоит также и из безэквивалентных единиц этого языка, а жанр классического двуязычного словаря исключает или резко ограничивает круг компенсаций, или трансформаций, применяемых в текстах: в нем нет места для сносок, комментариев, перестановок, функциональных аналогов и др.

Практика польско-русской лексикографии породила целый ряд приемов, при помощи которых авторы словарей заполняют лакуны в русской понятийно-лексической системе. К ним относятся: 1. чистые заимствования: ***konfederatka*** – **конфедератка**; 2. заимствования с пояснениями: ***dyngus*** – **дынгуc** (обряд поливания водой на второй день пасхи); ***lajkonik*** – **лайко-ник** (ежегодное народное гулянье в Кракове, главный герой этого гулянья); 3. чистое пояснение, подчас энциклопедического характера: ***bawarka*** – горячая вода (жидкий чай) с молоком и сахаром; ***wzrokowiec*** – человек с преобладающей зрительной памятью; ***towiańczyk*** – последователь Анджея Товянского (1799-1878); ***ślepa latarka*** – фонарь с одной стеклянной стенкой; 4. пояснение с близкозначным словом: ***chciejstwo*** – принятие желаемого за действительное; **волюнтаризм**; 5. пояснение с уточнением: ***halny*** – горный ветер (в Татрах); 6. пояснение с примерами: ***jednoślad*** – двухколесное средство передвижения (велосипед, мотоцикл, мопед); 7. неологизм (искусственный конструкт, калька): ***Za mundurem panny sznurem*** – *На военных девушки заглядываются*; ***Żeby kózka nie skakała, toby nóżki nie złamała*** – *Не прыгала б коза, ножка была б цела*; 8. смешанные приемы: ***bigos*** – бигос, солянка (мясная) (примеры по: [Hessen, Stypuła 2001; Stypuła 1974]). Обращают на себя внимание многочисленные случаи вытеснения предметного языка метаязыком: пояснения и кальки выдаются за эквиваленты (и печатаются шрифтом, предназначенным для переводных эквивалентов (см. [Хлебда 2008])). Подобные словарные статьи построены по модели «*S* – это *P*», почерпнутой из толковых словарей (и даже энциклопедий), и в практике перевода обнаруживают свою полупригодность или полную непригодность. По мнению Яна Вавжинчика, определения «переводной словарь» заслуживают только такие словари, статьи которых построены по модели «вместо *S* подставь *P*» [Mędelska, Wawrzyńczyk 1992: 16]; иными словами, на месте эквивалента пользователь

словаря должен найти то (и только то), что он изымет из словаря и непосредственно, без лишней обработки, вставит в переводимый им текст (рядом же – графически обособленную микроинструкцию по этой операции).

Переводной словарь, однако, – не только пособие по практическому переводу: как любой словарь, он является и теоретическим трудом по лингвистике, который должен приносить метаязыковую информацию по двум языковым картинам мира и по взаимоотношениям между ними, посредственно же – и по национальной специфике когнитивных процессов, по общественной обусловленности ономаσιологических процессов, по коммуникативным запросам и коммуникативной изобретательности двух социумов. Внутриязыковая и межъязыковая лакунарность – превосходный «лингвоскоп», или глазок, позволяющий лингвисту вникать вглубь и в суть этих процессов и явлений. Поэтому если в языке *B* имеются по отношению к языку *A* лакуны, они – ценнейшее «говорящее место» языка и их не только не следует скрывать или затушевывать, а наоборот: их следует выявлять и специально помечать в словаре. Его пользователь вправе знать, что он находит по правую сторону исходной единицы: единицу целевого языка, т.е. сегмент системы языка *B*, который и является в переводе готовым эквивалентом единицы *A*, или же некий предложенный лексикографом конструкт, который свидетельствует о том, что в системе языка *B* аналогичной единицы языка нет, в связи с чем предложением лексикографа можно – при известных условиях – воспользоваться, помня, однако, что это лишь вспомогательное средство со всеми этого последствиями для текста перевода.

Впервые специальный словарный знак для лакун я предложил в 1988 г. в написанных вместе с Романом Левицким «Материалах для двуязычного словаря заглавий» [Chlebeda, Lewicki 1988]; это был знак ноля (Ø), использованный затем Левицким в его русско-польском словаре «Христианство» [Lewicki 2002]; этим знаком отмечена 21 из 3500 заглавных единиц этого словаря). Год спустя был опубликован «Русско-польский словарь крылатых слов» [Chlebeda, Mokijenko, Szuleżkowa 2003], в котором я предложил двойную систему помет для непереводимых единиц. Во-первых, я выделил в русском словнике единицы, которые в польском языке имеют свои устоявшиеся эквиваленты; таких единиц оказалось в словаре около 49 %. Тем самым оказалось, что единицы русского языка, у которых вообще нет соответствий в польском языке или же эквиваленты которых носят лишь текстовый характер (а не системноязыковой), преобладают: их около 51 %. Во-вторых, все единицы второй группы были обозначены специальным знаком «говорящей головки» (—), соответствующей знаку ноля, но и подсказывающей пользователю сочетание предложенного мной эквивалента с одним из метаоператоров (типа: *как говорят русские, как говорится в России*; оператор, таким образом, входит в состав переводного эквивалента), ср.:

[9] КАКАЯ СМЕСЬ ОДЕЖД И ЛИЦ, ПЛЕМЁН, НАРЕЧИЙ, СОСТОЯНИЙ! В2
O barwnym tłumie, zróżnicowanym zbiorowisku ludzi.

☛ **Jakiż tu tygiel sukni, twarzy, plemion, narzeczy, gwar i stanów!**

☛ **Jakaż tu twarzy pstrokacizna, plemion, przeróżnych gwar, odzieży!**
(A. Stern)

Этот прием позволил сочетать две названных раньше функции переводного словаря: быть пособием по практике перевода и в то же самое время быть металингвистической разработкой, ориентирующей и лингвиста, и неискушенного пользователя в сложных взаимоотношениях между двумя языками. Такое же «два в одном» сочетает знак ноля в тематическом «Настольном польско-русском идиоматиконе» [Chlebda, ed., 2006–2009], словаре со сносками, комментариями и т.п. металингвистической информацией, ср.:

288. **zżajany jak pies** [o kimś zdyszanyм po dużym wysiłku]

288. Ø [запыхавшийся как собака]¹¹

¹¹ Wydaje się, że język rosyjski nie ma specjalnego określenia wyrażającego stopień zdyszania (zżajania). Słowniki rosyjskie takich komparatywów nie notują, w Internecie natomiast poszukiwanie połączeń wyrazowych z *comparandum* *запыхавшийся* как daje pojedyncze *comparansy* w rodzaju: *будто бежал, марафонец, конь, сайгак, пёс гончий, собака, чёрт, опоздавший на урок ученик, старый паровоз* itp. o najwidoczniej słabym stopniu utrwalenia.

Как общая сумма знаков Ø, так и их расположение по тематическим разрядам словаря могут послужить интереснейшим материалом для социо- и этнолингвистических этюдов (в этом отношении релевантно также употребление знака ♦ в русско-чешском фразеологическом словаре Л. Степановой [Stěpanova 2007]).

Еще один выход из проблемы «непереводимое в переводном словаре» предложил Ян Вавжинчик. Исходя из положения о принципиальной переводимости текста и из убеждения, что даже самые трудные для перевода («непереводимые») места литературного произведения опытный переводчик не может оставить и практически не оставляет непереведенными, Вавжинчик предложил теснейшее содействие переводчика и лексикографа, т.е. включение в переводной словарь рядом с системноязыковыми также и текстовых эквивалентов, найденных в так наз. «двухтекстах» (подлинник и его перевод, взятые вместе; см. [Wawrzyńczyk 2000–2001]). Таким образом, Вавжинчик вышел на «третий путь», показывая возможность выгодного сближения двух, казалось бы, несовместимых сущностей: словаря и текста. Опыт работы не только с двухтекстами, но и с «многотекстами», т.е. сериями переводов одного и того же произведения (а отдельные рассказы Сенкевича или Жеромского имеют и по 5–10 переводов на русский язык), показывает, что непереводимого в словарях может и не быть, так как «непереводимое» переводится в переводах в область переведенного, а при умелом отборе самые изобретательные находки переводчиков существенно обогащают репертуар эквивалентов переводных словарей.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БАРХУДАРОВ, Л. С. (1975): *Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода*. М.
 ВЕРЕЩАГИН, Е. М., КОСТОМАРОВ, В. Г. (1976): *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. М.
 ВЛАХОВ, С., ФЛОРИН, С. (1980): *Непереводимое в переводе*. М.
 ФЕДОРОВ, А. В. (1968): *Основы общей теории перевода*. М.
 ХЛЕБДА, В. (2008): О чем думает русский индюк, или Об эквивалентах пословиц в двуязычном словаре. In: *Przegląd Rusycystyczny*, N 4, s. 90–104.

- CHLEBDA, W. (ed.) (2006–2009): *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. T. 1–4. Opole.
- CHLEBDA, W., LEWICKI, R. (1988): Materiały dla dwujęzycznego słownika tytułów. In: *Przegląd Ruscystyczny*, N 3-4, s. 69–85.
- HEJWOWSKI, K. (2004): *Kognitywno-komunikacyjna teoria przekładu*. Warszawa.
- HESSEN, D., STYPUŁA, R. (2001): *Wielki słownik polsko-rosyjski*. Warszawa.
- LEWICKI, R. (2002): *Христианство. Русско-польский словарь*. *Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski*. Warszawa.
- MĘDELSKA, J., WAWRZYŃCZYK, J. (1992): *Między oryginałem a przekładem. Rzecz o słownikach dwujęzycznych*. Kielce.
- STĚPANOVA, L. (2007): *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc.
- STYPUŁA, R. (1974): *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*. Warszawa.
- WAWRZYŃCZYK, J. (2000–2001): *Teoretyczne i praktyczne aspekty przekładu rosyjsko-polskiego*. T. 1-2. Łódź.

УЛРИКЕ ЙЕКУЧ

Германия, Грайсфвальд

МАВА ГАЛИЦИЙСКАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

ABSTRACT:

Shortly before the beginning of World War I, Chlebnikov got to know Ksenija Boguslavskaja, a young artist of the East Slavic avantgarde, who acquainted him with the myths and tales of the Huzuls, a small people, inhabiting the Carpatian mountains in multicultural Galicia. The following article discusses some aspects of the myth of the Huzulian “mava” – a variant of the “rusalka” – which Chlebnikov developed in his poetry since 1913.

KEY WORDS:

Galicia – Huzuls – myth – mythopoetics – avant-garde – mava – rusalka.

Велимир Хлебников обрабатывал снова и снова мифы, мотивы, эпитеты и поговорки народного творчества разных сибирских, славянских и восточных народов, как например, мифы орочей или волжских казаков. Его сочинения переполнены магическими сверхъестественными существами [Baran 1986: 25сл.]. Мифы интересовали его как выражение архаического человеческого мышления, как остаток правремени, с которым соединялось представление о первоначальном единстве славянских племен [Степанов 1975: 42]; они интересовали его тоже как свидетельства праславянского языка [Степанов 1975: 46], еще сохраняющего воспоминание о магической функции слова. Как известно, Хлебников хорошо знал этнографические научные работы, например, «Поэтические воззрения славян на природу» А. Н. Афанасьева (1865–1869) или «Сказания русского народа» И. П. Сахарова (3-е изд. 1841–49) [Jakobson 1999: 27; Степанов 1975: 69f.].¹ Обращаясь к архаическим мифам и преданиям народов, он находился в центре европейского авангардного движения [Степанов 1975: 45], охватывающего словесное, художественное и музыкальное искусства и харак-

¹ Рецензию этнографических работ можно доказать еще в 1921 и 1922 гг., когда Хлебников выписал сегменты из «Очерков русской мифологии. Том 1: Умершие неестественные смертью и русалки», Петроград 1916 [Baran 2002: 325].

теризованного понятиями примитивизма², инфантилизма³ и новым интересом к архаическим и наивным формам искусства. Особенностью русского примитивизма в этом общеевропейском течении считаются рецепция и обработка собственно русского или славянского народного искусства, к которому относилось новое восприятие славянофильского мышления [Сарабьянов 2000: 622 сл.]. Хлебников был одним из поклонников этого народно-русского или ново-славянофильского направления [Парнис 2000: 643], представители которого обнаружили свое как чужое и экзотичное и искали свою идентичность в раньше маргинализованной народной культуре. В 1913 г. он работал в кругу внепартийного политического журнала «Славянин» и издал там несколько статей [Степанов 1975: 44 сл.]. Опубликованный в 1914 г. «Изборник стихов» тоже характеризуется чертами этой славянско-славянофильской установки [Парнис 2000: 645].⁴

В контексте этой славянской установки, которая представляет только одну из черт хлебниковского художественного мышления, проявляются тоже мотивы украинского народного творчества и украинской мифологии, представление о которых вызывается тоже за счёт употребления украинизмов. Особенный интерес Хлебникова к Украине объясняется его проявляющейся в некоторых текстах гордостью запорожскими корнями его семьи [Степанов 1975: 69]. В круг украинских мотивов Хлебникова, ясно связанных с традициями романтических украинских рассказов Гоголя [Степанов 1975: 55], вписывается в его творчестве 1913–14 годов и снова 1921–22 годов именно фигура женского демона «мавы» или «мавки».

«*Мавой*» обычно называется украинско-галицийский вариант русалки, живущей не только в реках и озерах, но и на деревьях, в лесах и на лугах. Хлебников описал маву следующим образом: «Галицийская Русь создала страшный образ мавки: спереди это прекрасная женщина или дева, лишенная одежд, сзади – это собрание <витых> кишок» [Хлебников 2000, т. 1: 499]. Мава – известная в народных преданиях Галиции и Гуцулов – образ женского демона. В народных представлениях она принадлежит к тем мифическим сверхъестественным существам, которые возникли из душ соблазненных и утопленных молодых дев и умерших некрещеных маленьких детей [Афанасев 1995: 3, 100–158; Виноградова 2004: 165–166.]. Верили, что они могли быть спасены человеком, который в течение семи лет по смерти говорит над ними слова крещения – по истечению этого срока они превращались в спасаемых злых духов. Они могли выступать в разных видах, отчасти как птицы или маленькие дети. Но чаще всего их описывали как красивых девушек в прозрачных белых одеждах, спина которых не была покрыта кожей, так что были видны кровавые мускулы, кости и кишки. В украинских Карпатах верили, что мавки действовали прежде всего около Троицы, особенно в четверг троицкой недели, называемый

² О примитивизме как течении европейского искусства между 1906 и 1913 гг. (см. [Сарабьянов 2000]).

³ О употреблении Хлебниковым приема инфантилизма написал Тынянов уже в 1928-ом году (см. [Тынянов 2000: 218]).

⁴ Парнис говорит о «галицийском цикле или мифе» этого тома.

«Маский (Мавчин) великден»: В этот день не работали на полях, не позволяли детям купаться в реке или ходить в лес. Мавки могли сбить человека с пути, утопить его в воде или убить в глубине леса. Они могли ему послать болезнь. Иногда им приписывали вампирические свойства; верили, что ночью они могли входить в незакрытые дома и сосать кровь из груди людей, так что те заболели и умирали. Отчасти верили в то, что некоторые мавки могли заводить любовные связи с человеком, которые всегда кончались несчастливо.

В творчестве Хлебникова образ мавы появляется в некоторых стихотворениях 1913–1915 гг. и опять – тоже в рассказе – в двадцатом и двадцать первом годах. Он связан с молодой художницей Ксенией или Оксаной Богуславской, которая познакомила Хлебникова с украинско-гуцульскими преданиями и верованиями. В Петербурге Первой мировой войны она с мужем, авангардным художником Иваном Пуни, открыла неофициальный салон, в котором встречались молодые футуристы. Они тоже организовали и финансировали издание футуристского сборника «Рыкающий Парнас» и некоторые футуристские выставки [Матюшин 1976: 155]. С 1916 г. Ксения работала в составе группы Супремус Казимира Малевича и создавала узоры тканей, между прочим, для Художественно-ремесленных женских кооперативных мастерских Вербовки при Киеве, в которых переводили авангардистские и супрематистские узоры на ткани и другие материалы. В декабре 1919 г. она с мужем покинула Россию через Куоккалу и поселилась сперва в Берлине, потом с 1924 г. в Париже.

По свидетельству некоторых современников Хлебник был сильно и несчастно влюблен в Ксению, которая не принимала его всерьёз [Лифшиц 1978: 184–187; Парнис 200: 654]. Разными аспектами их отношений и трансформацией Ксении в его творчестве занимались некоторые искусствоведы и литературоведы, среди них Александр Парнис – кодированием инициалов её имени и названиями в текстах Хлебникова [Парнис 2000: 649–656] – и Дубравка Ораиц-Толиц – вопросами примитивизма и гендерных исследований [Oraić-Tolić 2004: 335–339]. Ксения вошла в творчество Хлебникова как прообраз ворожеи, польки и прежде всего мавы, она изображена как колдунья, соблазнительница и ведьма, которая связывалась больше и больше с кровью, войной, чумой и смертью.

Далее показаны некоторые черты изображения мавы в поэзии Хлебникова.

Стихотворения Хлебникова о Маве начинаются пародией сильно конвенционализованного мотива русалки. Уже романтическая литература – напоминая о *Ундине де ла Мот Фуке*, о *Русалочке* Андерсена и о *Морской царевне* Лермонтова – описала русалку как жертву любви к неверно любящему или вовсе не любящему человеку. У Хлебникова любовь играет роль побочного мотива, она либо отступает на второй план, либо редуцируется на эротический, но не действующий соблазн, либо отсутствует совсем.

Наиболее ранние тексты Хлебникова возникли в 1913 и 1914 гг. – это поэма «Ночь в Галиции» и два стихотворения, «Гевки, гевки, ветра нету» и «Мавка (Ведьма)». Поэма и первое из названных стихотворений ясно связаны между собой некоторыми идентичными строками. Но если поэму можно читать как

пародию на традиционный литературный миф о русалке, стихотворения смешивают пародию с ужасом войны.

Поэма «Ночь в Галиции» [Хлебников 2000с.: 4, 271–275] построена как диалог, она представляет хоровод ритуализованных выступлений разных фигур – Русалка с русалками, Витязь, ведьма и галичанки – в галицийской ночи. Поэма, охватывающая 71 строку, передает только речевой текст фигур и отчасти называет их деяния в некоторых посторонних заметках. Она делится на три части: это 1) обмен репликами Витязя и Русалки, 2) пения и заклинания русалок и ведьм, и 3) речь «разговаривающих галичанок». Русалка солирует и поддерживается хором русалок и ведьм.⁵ Первая часть пародирует мотив очарования мужчины русалкой. Она состоит из двух реплик. Начинает Русалка, которая обращается к вошедшему в её царство витязю с очаровательными и угрожающими заклинаниями, которые обещают ему гибель. Но витязь оказывается неподвластным заклинаниям, он слышит только «*дикий вой русалки пьяной*», определяет место как неподходящее и уходит: «*Оставаться стало плохо.*» (Уходит). Вторая часть представляет русалок и ведьм, которым надо учить их заклинания по учебнику Сахарова – они появляются с его учебником в руках и поют тексты по нему. Пение заклинаний обрамлено самооценкой, самописанием русалок, которое показывает образ опасной, вещи русалки как несостоятельный: Они смотрят на себя как на безвластную жертву человеческой техники рыбной ловли, глаза которой иногда повреждаются копиями рыбаков. С властью над человеком они потеряли тоже свои природные магические знания и забыли не только тексты заклинаний, они тоже больше не знают, что делается в их царстве: Когда найдется тело мертвого опришка, они не в состоянии узнать причину смерти и идентичность мертвого. Русалки отвечают на вопрос «*Кто он?*» рецитированием звуковых заклинаний «*Ио, иа, цолк*» и т.д., ведьмы отвечают отлетом в журавлином треугольнике и опубликованной Сахаровым формулой «*Шагадам, магадам, выгадам.// Чух, чух, чух.*»

Третья часть, Монолог-хор «разговаривающих галичанок», противопоставляет безвластным русалкам и ведьмам фигуру Мавы: Речь галичанок идет о гугуле, который «*живет на горах с высокой мавкой*». Это подтверждается утверждением, что люди видели его с мавой. Потом следует предупреждение о маве с перечислением ее признаков: На первый взгляд у неё традиционные черты женской красоты, например, она высокая и с черными бровями. Вопреки ее откровенной улыбке, она кажется «*ужасным привидением*» – она сильна, у нее «*властные*», гибельные глаза, она показывается уже мертвой, со спиной без кожи. Именно ее способность превращаться из красавицы в ужасное чудовище характеризует ее как прообраз оборотничества в творчестве Хлебникова.

⁵ Леонид Мартынов, один из ведущих композиторов нового российского музыкального авангарда, соединил текст поэмы «Ночь в Галиции» с другой поэмой («Лесная тоска») Хлебникова и, исходя из мелодических формул старых славянских народных песней, переложил его на музыку в стиле «новой простотой». В 1999 г. он инсценировал свое дело с помощью ансамбля Opus Posth. и народного ансамбля им. Дмитрия Покровского и записал его на CD (см. V. Martynov, Night in Galicia, CCn'C Records 2000).

«Гевки, гевки, ветра нету» [Хлебников 2000с.:1, 291–292] можно читать как продолжение третьей части «Ночи в Галиции». Стихотворение – это монолог лирического Я, который принадлежит к изображаемому миру и обращается к группе девушек и в особенности к Оксане, имя которой упоминается только раз. Он говорит о прибытии «Дида» среди возвращающихся в деревню парней. Дид – гуцул, живущий «со свирепой мавой» уже седьмой год. Маве тут приданы ее обыкновенные признаки, но уже в этом тексте она выступает как предвестница «часа смятенья и тревоги», предвестница прибытия в деревню войны. Стихотворение подчеркивает сильнее чем поэма разницу между ее видом спереди и сзади, оно дополняет строки поэмы «А сзади кожи нет у ней,/ Она шиповника красней» следующими стихами:

*И красносумрачный мешок
Торчит, из мяса и кишок,
И спереди, как снег, бела она,
И сзади кровь, убийство и война.*
[Хлебников 2000с.: 1, 291]

Белая красота лица и груди противостоят «красносумрачной» массе мяса и кишок спины, она связывается уже тут с кровью, убийством и войной. Последняя часть стихотворения провозглашает именно прибытие войны в деревню – входят «пушкари».

Другой – эротический и латинский – аспект мавы развивает стихотворение «Мавка (Ведьма)» [Хлебников 2000с.: 1, 293–294], в котором Мава появляется как ведьма и «суровая пастушка». Типичное для мавы-русалки водяное окружение тут заменяется комнатой, в которой горит свеча и огонь. Там живет «высокая и великая ведунья», которая «взором прелестная», у нее книги с латинскими буквами. Она связывается с Мариной Мнишек, дочерью польского магната и женой обоих Лжедмитриев, которая считается в русской народной поэзии чужой, латинской соблазнительницей, очаровавшей своим колдовством русского царя. Тут она ведьма, которая заставляет строки грешных страниц и порочных сказок из латинских книг, плясать по стенам в сиянии огня; она представляет эротическое, неприличное, соблазн:

*Полна соблазна и бела,
Она забыла про белила
И твердой ручкой помела
Отважно ноги разделила.*
[Хлебников 2000с.: 1, 293]

Другие тексты этой первой фазы хлебниковского интереса к фигуре «Мавы», возникшие в контексте Первой мировой войны, связывают Маву еще сильнее с войной. В стихотворении «Хвост Мавки-ведьмы превратился в улицу» она становится, появившись в городе, предвестницей войны и хаоса, в «Жены смерти» она появляется как сирена, приводящая людей к смерти, и как муза-сирена поэтического пения, провозглашающего грядущие несчастья и болез-

ни: чуму и смерть. Таким образом, фольклорная Мава превращается в гибельную и зловещую приятельницу поэта. Если в этих ранних текстах бросается в глаза, что хлебниковская мава либо действует напрасно, либо не действует совсем, то в поздних текстах она приобретает амбивалентные черты сирены-музы, с одной стороны, и опасной предвестницей ужасов войны. Таким образом, исходя из пародии литературного мифа русалки, Хлебников одновременно создает новый вариант этого мифа в амбивалентном образе мавы-сирены и мавы-предвестницы войны.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BARAN, H. (1986): Chlebnikov's Poetics and its Folkloric and Ethnographic Sources. In: W.G. Weststeijn (Hg.): *Velimir Chlebnikov (1885-1922): Myth and Reality. Amsterdam Symposium on the Centenary of Velimir Chlebnikov*. Amsterdam, 15–71.
- ЯКОВСОН, R. (1999): *Meine futuristischen Jahre*. Hrsg. von B. Jangfeldt, übersetzt von B. van Kann. Berlin.
- АФАНАСЬЕВ, А. Н. (1995): *Поэтические воззрения славян на природу*. Т. 3. М.
- БАРАН, Х. (2002): Фольклорная и древнерусская тематика в записной книжке Хлебникова. In: Х. Баран: *О Хлебникове. Контексты, источники, мифы*. М., с. 323–336.
- ВИНОГРАДОВА, Л. Н. (2004): Мавка, нявка. In: Н. И. Толстой (ред.): *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 3. М., с. 165–166.
- КРАВЕЦ, В. (1994): Формула «война-смерть» и «вещь-труп-мава» в творчестве Велимира Хлебникова. In: *Самватас*, 10, с. 49–129.
- ЛИВШИЦ, Б.: *Полтораглазый стрелец*. Нью Йорк 1978.
- МАТЮШИН, М., ХАРДЖИЕВ, Н., МАЛЕВИЧ, К. (1976): *К истории русского авангарда. С послесловием Романа Якобсона*. Стокгольм.
- ПАРНИС, А. (1997): Мава, злой дух и прекрасная женщина, в «Изборнике» 1914 года: Прелиминария к теме Хлебникова и Филонова. In: *Линакотекa. Журнал для знатоков и любителей искусства*, 3, с. 29–33.
- ПАРНИС, А. (2000): О метаморфозах мавы, оленя и воина: К проблеме диалога Хлебникова и Филонова. In: В. В. Иванов – З. С. Паперный – А. Е. Парнис (сост.): *Мир Велимира Хлебникова. Статьи. Исследования (1911-1998)*. М., с. 637–696.
- САРАБЬЯНОВ, Д. В. (2000): Неопримитивизм в русской живописи и поэзии 1910-х годов. In: В. В. Иванов – З. С. Паперный – А. Е. Парнис (сост.): *Мир Велимира Хлебникова. Статьи. Исследования (1911-1998)*. М., с. 619–636.
- СТЕПАНОВ, Н. (1975): *Велимир Хлебников. Жизнь и творчество*. М.
- ТЫНЯНОВ, Ю. (2000): О Хлебникове. In: В. В. Иванов – З. С. Паперный – А. Е. Парнис (сост.): *Мир Велимира Хлебникова. Статьи. Исследования (1911-1998)*. М., с. 214–223.
- ХЛЕБНИКОВ, В. (2000–2005): *Собрание сочинений в шести томах*. Под общей редакцией Р. В. Дуганова. Т. 1–6. М.

ЙИТКА КОМЕНДОВА

Чехия, Оломоуц

ОБРАЗ ЯЗЫЧНИКОВ В ЖИТИИ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО И ЛАТИНСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ МИССИОНЕРСКОЙ АГИОГРАФИИ¹

АБСТРАКТ:

The aim of the current study is to analyse the depiction of pagans in “Life of Stephen of Perm” and in Latin medieval hagiography. The main features of presentment of pagan community and their responses to the missionary’s work are determined. Based on the comparison, the author claims that the depiction of Permian religion is of a traditional character, whereas the portrait of the representative of pagan community, Pam the wizard, is original in its manner of presentation. The statement holds true both for the precedent Russian medieval literature and for European medieval legends of missions and missionaries.

KEY WORDS:

Life of Stephen of Perm – Latin Hagiography – Russian Medieval Literature – Missions – Pagans.

В письменных источниках средневековой Руси многократно изображались представители различных религий – католицизма, иудаизма, ислама, азиатских природных религий, однако сравнительно редко тогдашняя литература запечатлевала сведения об архаических политеистических религиях Восточной Европы. О религии балтов говорит только *Галицко-Волынская летопись* [Галицко-Волынская летопись: 322, 340], еще более скупы известия о культуре языческих финно-угров. Восточные славяне общались с этими этносами очень часто, так как в средние века финно-угорские племена, населяющие обширные пространства от побережья Балтийского моря вплоть до Урала, играли в Восточной Европе намного бóльшую роль, чем в России нового времени, когда вследствие интенсивной славянской колонизации они стали на своих исконных территориях лишь немногочисленным меньшинством. Однако финно-угорские племена в течение средневековья, во-первых, не создали государства и не стали для Руси опасным врагом, и,

¹ Studie byla zpracována s podporou grantu KJB801380901 Grantové agentury Akademie věd ČR.

во-вторых, их религии не были свойственны миссийные притязания. Поэтому культура финно-угров в течение веков оставалась вне интереса православных книжников, детально информирующих, прежде всего, о тех религиях, экспансия которых, по мнению русских, представляла наибольшую угрозу. В древнейших письменных источниках Руси мы найдем только один отголосок финно-угорской культуры, а именно в *Повести временных лет* – в описании встречи новгородца с чудским волхвом, объясняющим новгородцу сущность местной языческой религии [Повесть временных лет: 190–192]. В следующий раз образ культуры финно-угорских язычников появляется лишь три века спустя, в *Житии Стефана Пермского*. Уже сам этот факт показывает исключительное значение образа пермян в рамках средневековой литературы. В настоящем докладе мы попытаемся определить основные черты образа данного сообщества и установить, в какой мере избранный способ является уникальным или, наоборот, традиционным в контексте существующей древнерусской письменности и европейской миссионерской агиографии.

Средневековые книжники, идеологически защищавшие распространение христианской религии в мире, в принципе придерживались двух мнений о допустимых средствах экспансии христианства: необходимо или крестить языческие народы, или веру можно распространять истреблением нехристианского населения.

Напр., за несколько десятилетий до возникновения епифаниевского жития крайне жестко на вопрос путей распространения веры ответил Петр из Дусбурга, которому истребление местного населения представлялось вполне законным способом расширения рубежей христианства [Hrabová 1991: 23–27]. На Руси подобный взгляд не был сформулирован в качестве целостного идеологического концепта, только в *Киево-Печерском патерике* встречается прямая защита насилия против евреев. [Киево-Печерский патерик: 490] В *Житии Стефана Пермского* идею распространения христианской веры путем насилия высказывают лишь рьяные новокрещенные пермяне, между тем как миссионер Стефан считает данный подход неприемлемым [Житие Стефана Пермского: 154–156.] Своей основной целью он ставил приобретение для христианства не нового пространства, а, прежде всего, нового народа. Пермяне, по словам агиографа, стали «рабами врага», и Стефан желал «освободить» их.² Поэтому «очень хотел отправиться в Пермь, и учить некрещеных людей, обращать неверных и приводить их ко Христу Богу в христианскую веру.»³

Елифаний Премудрый не удовлетворился простой схемой представителей Зла, как она проявилась, напр., в *Киево-Печерском патерике* или во многих летописных текстах, пермянам он уделяет много внимания. Несмотря на это,

² «И о сем зело сжаиси раб Божий и велми печаловаше о ихъ прелщени, и разгарашеся духом, понеже человеци Богом створени и Богомъ почтени суще, но врагу поработишася. И о сем скорбяше не худе, како бы их исхитил из руки вражиа.» [Житие Стефана Пермского: 64]

³ «и велми хотяше еже шествовати в Пермь, и учити люди некрещенныя, и обращати невѣрныя человеки, и приводити а ко Христу Богу в веру христианскую.» [Житие Стефана Пермского: 64]

трудно искать в данном житии, как и в других произведениях агиографического жанра, «этнографические» сведения о традиционной жизни языческих этносов. Во-первых, авторы миссионерских житий часто никогда в жизни не встречались с нехристианским обществом, и, во-вторых, запечатлеть подобные сведения в житии как жанре, направленном на прославление святости изображаемого подвижника, априори являлось ненадлежащим. Поэтому данные источники отражают значительно меньше информации, чем на самом деле тогда было известно о других народах и регионах [Löwe 1983: 326–372].

Христианские агиографы не были заинтересованы в детальном проникновении в мир языческого племени, однако, вместе с тем, в создаваемом произведении его образ им был нужен, чтобы показать, что «*семья христианства не могло расти без гонений*».⁴ Из-за этого языческое общество характеризуется сравнительно размыто, преимущественно с помощью стереотипного образа идолослужения („*idolatria*“, „*vana sacra*“). Языческие культы изображены прежде всего в соответствии с концептом древнего политеизма, известного из Библии и античных произведений [Padberg 1995: 32–35]. Вследствие этого, в житиях почти нельзя отличить сообщества, которым были свойственны разные архаические культы природных сил, от общностей, в свое время христианизированных, но которые в последствии не сохранили чистоту новой веры и исповедовали различные варианты языческо-христианского синкретизма.

Результатом требований агиографического жанра являются преимущественно экспрессивные, устанавливаемые литературной традицией образы варваров, ярчайшей чертой которых является агрессивность. Дикость язычников достигает такой степени, что они даже теряют человечность и начинают походить скорее на лютых зверей, чем на людей: пруссов в житиях св. Войтехы сопровождают эпитеты *жестокый, бесноватый, безбожный, кощунствующий*.⁵ Для них характерно «*ужасное варварство*»,⁶ против миссионера их движет «*слепая ярость*»,⁷ они издают «*бешенный галдеж*», у них «*собачьи морды*»,⁸ «*они роятся по способу рассерженных пчел*». ⁹ Племена пруссов и лужицкой «*своей жизнью вряд ли отличались от неразумных зверей*». ¹⁰ Подобно тому, по *Vita Anskarii*, побуждаемый дьяволом шведский народ был «*охвачен жаром разъяренности*». ¹¹ *Passio s. Brunonis* рисует распущенный народ, который

⁴ „Cum non posset autem diu latere, qui lumen Christi ferebat, nec semen verbi Dei sine persecutione crescere...“ [Vita Lebuini antiqua: 792]

⁵ „dirus“, „furibundus“, „lymphata gens“, „sacrilegus“.

⁶ „dira barbaries“

⁷ „cecus furor“

⁸ „furibunda voce et caninu rictu“ [Jana Kanaparja Život sv. Vojtěcha: 261].

⁹ „mox more irascibilium apum quasi tumultuantis populi, quicquid virorum ac mulierum inerat concurrere.“ [Utrpení sv. Vojtěcha mučedníka: 233].

¹⁰ „Nec quoniam vanis plebs utraque dedita sacris a bruta pecude vix distabat racione.“ [Verše o utrpení sv. Vojtěcha, biskupa a mučedníka: 330]

¹¹ „contigit etiam diabolico instinctu, ut populus Suenum furore zeli accensus“ [Vita Anskarii: 38].

не может пресытиться даже смертью подвижника и далее продолжает свое бешенство.¹²

Хотя агиографы часто показывают свой литературный талант в изображении ужасных идолопоклонников, алчущих смерти миссионера, на самом деле проповедников христианства, погибших при выполнении своего призвания насильственной смертью, было несравненно меньше, чем тех, которые пережили свою миссию без ущерба. Кроме того, большая часть тех, которым достался венец мучеников, погибла по вполне прозаическим причинам: миссионеры, снабженные множеством драгоценных предметов (или же литургической утварью для богослужения в пути и для оборудования новых храмов, или дарами для местных правителей), становились жертвами разбойных нападений. Настоящая смерть за веру среди возмущенных язычников была очень редка. Встреча с носителем чужой веры зачастую вызывала скорее любопытство¹³ или смех. В том, что язычники более упорно не сопротивлялись миссиям, отражается самоуверенность носителей данных культур, которые не воспринимали христианство как серьезную угрозу: архаические религии были, по сравнению с религиями Книги, далеко не так строго закреплены,¹⁴ поэтому не было трудно увеличить количество богов, поправить культы и принять различные формы синкрета, как это наглядно показывают также некоторые миссионерские жития. Агрессивность против миссионера иногда смягчается также специфическими обычаями данной общности. В *Vita Lebuini antiqua* представитель саксов говорит: «Когда нормане, славяне, фризы и все другие народы высылают к нам своих послов, мы принимаем их спокойно и слушаем вежливо, что они говорят. Однако теперь, когда к нам приходит посол Божий, вот какими оскорблениями мы его преследуем.» Саксы почувствовали жалость над своим необдуманным поступком и решили, что Лебуину будет позволено передвигаться везде по собственному усмотрению. К данному решению при этом они пришли, не изменив своего вероисповедания.¹⁵ Причиной агрессии язычников против проповедников христианства являлось, прежде

¹² „Sed gens effera, necdum in morte eius satiata, caput viri in flumen, quod dicitur Alstra, proiecerunt.“ [Vita et passio sancti Brunonis episcopi et martyris Querfordensis: 1366]

¹³ Житие Стефана Пермского: 104–106. Удивление предшествует агрессии в житии св. Войтеха Sanctus Adalpertus [Utrpení sv. Vojtěcha mučedníka: 233].

¹⁴ По утверждению Жакка Ле Гоффа, основанном на исследованиях Джека Гуди, коллективная память общностей без письменности имеет затруднения с дословным сохранением информации, т.е. ее точной реконструкцией. Однако что-то подобное не считается нужным. Неточное воспроизводство, «творческая реконструкция» рассматривается как более ценная. Важна не дословная память, а глубинные структуры. [Le Goff 2007: 71–74]. Кроме данных особенностей функционирования культур без письменности, надо учитывать и тот факт, что далеко не все нехристианские этносы сформулировали собственную религию как целостную структуру с иерархией божеств. Финно-угорские племена средневековой Прибалтики и Приуралья почитали скорее персонифицированные природные силы, чем богов со строго определенными компетенциями.

¹⁵ „Nordmanni vel Sclavi, Fresones quoque seu cuiuslibet gentis homines si quando ad nos mittunt nuncios, cum pace suscipimus ac modeste audimus. Dei autem nuncius nunc venit ad nos, et ecce, quibus eum insectabamur iniuriis!“ [Vita Lebuini antiqua: 794]

всего, связанное с миссиями политическое давление¹⁶ и чувство, что до сих пор существующие социальные структуры поставлены под угрозу, а не ненависть одной культуры по отношению к другой.

Однако не все средневековые интеллектуалы воспринимали нехристианские народы лишь как воплощение всего зла. Наиболее известным выражением противоположной точки зрения являются слова Адама Бременского „*hominibus humanissimis*“, которым он обозначает пруссов.¹⁷ Миссионерские жития, разумеется, так далеко не заходят, так как место подвига святого на аксиологической вертикали должно остаться непоколебимым, но все-таки темные, на лютых зверей похожие служебники дьявола могут превратиться в трактовке агиографа в жертву, крепко пойманную в дьявольскую ловушку, что вызывает сочувствие и стремление помочь: напр., по *Vita Amandi* «*святой более сжалился над их заблуждениями, чем опасался за свою жизнь*».¹⁸ Именно это понимание язычников можно считать наиболее близким образу пермян в епифаниевском житии. Пермяне, правда, «*одержимы волхвовани-ем и помрачены идолослужением*»,¹⁹ на Стефана кричат, «*как звери дикие*»²⁰, и миссионер приходит в их среду, «*как овца среди волков*»,²¹ но, подобно *Vita Amandi*, здесь язычники тоже являются скорее жертвой, нуждающейся в помощи, чем врагами, которых надо уничтожить. Язычество пермян трактуется не как проявление их зловолия и ненависти к христианству, а как следствие дьявольского оболещения [Житие Стефана Пермского: 118]. То, что пермяне до сих пор остаются язычниками, вызвано не их злобой по отношению к христианству, а внешними обстоятельствами, т.е. тем фактом, что в Пермскую землю до сих пор не пришел ни один миссионер [Житие Стефана Пермского: 66].

Дружелюбный взгляд на язычников, отразившийся в некоторых средневековых латинских источниках, восходит к труду Тацита *Germania* [Löwe 1983: 349]. Напротив, русским неоткуда было заимствовать подобную трактовку язычников: Византия со своим – словами С. А. Иванова – «культурным снобизмом» смотрела на не-греков (не только язычников, но и христиан) – исключительно как на варваров, достойных осуждения [Иванов 2003]. В письменных источниках Руси до того времени положительное отношение к язычникам также проявлялось лишь в исключительных случаях, а именно в *Повести временных лет*, где летописец приписывает восточнославянским полянам почти христианские качества, и позже в проповеди Серапиона Владимирского, где язычники ставятся в пример жителям христианской Руси, забывшим все

¹⁶ Л. Е. вон Падберг объясняет большую агрессивность язычников на материке по сравнению с Англией именно тем, что на материке распространение христианства было более тесно связано с политическим давлением [Padberg 1995: 111].

¹⁷ *Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*, s. 456.

¹⁸ «...vir sanctus magis eorum miseratus errori, quam de vitae suae periculo pertimescens...» [Vita Amandi episcopi I: 437]

¹⁹ «волшвеньемъ одержимы и идолослуженьем омрачимы» [Житие Стефана Пермского: 94].

²⁰ Житие Стефана Пермского: 84. Ср. Лк 10, 3, Мф 10, 16.

²¹ Данное понимание ярко проявляется, напр., во всех житиях св. Войтехы.

заповеди и живущим в разврате и аморальности. Однако оба текста возникли в настолько специфическом контексте (ср. [Komendová 2005: 27–29, 76–78]), что любое сравнение с образом пермян не имело бы смысла. Епифаний мог в данном отношении черпать исключительно из евангельского послания любви.

Образ язычников в житиях создает темный противовес к яркому образу проповедника христианства. Данной цели способствует также частое изображение язычников как нерасчлененной массы („*vulgus*“, „*gens*“, „*plebs*“, „*cohors*“, „*agmen*“), охваченной коллективными эмоциями.²² Автор *Жития Стефана Пермского*, напротив, дает более дифференцированный взгляд на пермян, показывая, как общество раскололось в связи с разными реакциями на работу миссионера. На первый план выдвигается скорее слабость пермян, чем злость и агрессивность: язычники ненавидят Стефана, но они так слабы, что не в силах убить его или навредить ему. Пермяне объясняют это тем, что у Стефана плохой обычай не начинать бой: если бы он вел себя агрессивно, они пошли бы в бой против него со всей жестокостью. Однако в данной ситуации они за ним только беспомощно наблюдают, не зная, что делать [*Житие Стефана Пермского*: 106].

Пермская религия понимается в епифаниевском тексте не как таинственное дьявольское наваждение, а, наоборот, агиограф повторно дискредитирует ее тем, что раскрывает ее слабость: это учение «*было полно всяческой хулы и ереси, порчи и неверия, кощунства и того, что достойно детского смеха*».²³ В связи с тем, что пермяне, подобно другим нехристианским народам, считались слугами дьявола, в контексте миссии Стефана, естественно, возник вопрос силы бесов, с которыми преподобный должен был бороться. Епифаний отвечает, что власть и сила языческих богов – бесов является лишь мнимой и что они не в силах оказать миссионеру сопротивление: «*Да что и могут сделать бесы, или чем могут повредить идолы, в чем преуспеют идолослужители, или что могут совершать кудесники, кумирники, чаровники, когда Бог хранит Своего раба...*».²⁴ Слабы как бесы, так и волхвы, защищающие древние культы.

Описание деятельности проповедника среди боязливых пермян, неспособных решительно расправиться с миссионером, вряд ли могло бы создать соответствующий фон для героического образа жертвующего собой подвижника, сопоставимого, напр., с образом лютых пруссов в житиях св. Войтеха. Поэтому Епифаний выбрал совершенно уникальное решение: кроме пермян, разобщенных по отношению к новой религии и колеблющихся между ненавистью, любопытством и добродушием, агиограф рисует шамана Пама,

²² «Бяше же ученье его полно всякия хулы и ереси, и порча и неверьствия, и кощоны и детских смех.» [*Житие Стефана Пермского*: 124]

²³ *Житие Стефана Пермского*: 120. Ср. там же: 100, 114, 118.

²⁴ Франтишек Граус объясняет данный факт тем, что в отличие от Ирландии, где в самом деле миссионерам противостоял организованный слой языческих чародеев, в Франкской империи подобного слоя не было и сопротивление миссии проявляли члены разных социальных групп [Graus 1965: 158].

который становится именно тем темным противником апостола Стефана, который необходим для драматизма и экспрессивности жития.

В латинских миссионерских житиях языческий волхв появляется сравнительно редко.²⁵ Напр., в *Passio s. Brunonis* языческие волхвы подстрекают народ против Бруна, побуждая их сжечь проповедника христианства заживо, так как он уничтожает капища и развращает народ колдовствами,²⁶ в житии св. Войтеха *Est locus* говорится о том, что Сикко, будучи языческим волхвом, должен был первым нанести удар²⁷ и т.п. Однако все эти персонажи появляются, как правило, лишь в одной сцене, как носители единственного жеста. По сравнению с ними, языческий шаман Пам в *Житии Стефана Пермского* изображен со значительно большей обстоятельностью и многосторонностью. Пам-Сотник вступает в конфликт со Стефаном не сразу после прихода миссионера в Пермскую землю. Он появляется на сцене лишь в тот момент, когда пермское общество распалось на новокрещенных и сторонников язычества, христианская религия начала получать превосходство над традиционным финно-угорским политеизмом и авторитет архаической религии все больше колебался в своих основах.

В отличие от источников о средневековых западных миссионерах, показывающих их стремление приобрести благосклонность местных правителей, которая могла помочь быстрой христианизации сверху, Епифаний вообще не говорит о политических представителях пермян и сосредотачивается лишь на Паме, обладающем верховным духовным авторитетом [Житие Стефана Пермского: 122]. Пам настаивает на своей исключительной роли в пермском обществе, народ он считает неполноценным и настолько глупым, что Стефан легко мог его сбить с истинного пути, поэтому оценить достоинства язычества и христианства смогут не они, а только Пам.

Стефан осознает, что именно этот человек может поставить под угрозу весь успех миссии [Житие Стефана Пермского: 124]. Пам старается изменить соотношение сил в пользу своей религии как тайными средствами, используя лесть и взятки и тайно убеждая жителей Пермской земли, так и открыто в спорах с миссионером Стефаном. Постепенно портрет шамана изменяется и приобретает новые черты: несмотря на то что сначала агиограф характеризует Паму как чрезвычайно влиятельную личность, носителя зла, вредителя, позже он изображается как слабый, беспомощный, трусливый человек, потерявший всякое уважение и вызывающий уже не страх, а смех.

²⁵ „At pontifices templorum invidia diaboli in iram excitati, universam plebem concitaverunt et omnes magistratus ac satrapas in eum, ut vivus incenderetur, qui templa deorum destrueret omnemque populum magicis artibus subverteret.“ [Vita et passio sancti Brunonis episcopi et martyris Querfordensis: 1365]

²⁶ „Prosilit e furibundo agmine igneus Sicco et totis viribus ingens iaculum movens, transfixit eius penetralia cordis. Ipse enim, sacerdos idolorum et dux coniuratae cohortis, velut ex debito prima vulnera facit.“ [Jana Kana-paria Život sv. Vojtěcha: 263]

²⁷ „Prosilit e furibundo agmine igneus Sicco et totis viribus ingens iaculum movens, transfixit eius penetralia cordis. Ipse enim, sacerdos idolorum et dux coniuratae cohortis, velut ex debito prima vulnera facit.“ [Jana Kana-paria Život sv. Vojtěcha: 263]

Сила Пама как антагониста миссионера была основана, прежде всего, на его общественной роли, а не на его душевных качествах.

Пам понимается в житии не как уникальная, неповторимая личность. Епифаний приводит ему ряд аналогий в Библии. Между тем как в изображении идолослужительского сообщества первостепенную роль играли ветхозаветные образы, Пама агиограф связывает с новозаветными волхвами Елимою, Александром Медником и Симоном, противниками апостолов Павла и Петра [Житие Стефана Пермского: 130].²⁸ Ни один из данных волхвов совсем не является такой выразительной личностью как Пам в епифаниевском тексте – у них нет ни собственной истории, ни внутренней характеристики, и с пермским шаманом их связывает именно функция антагониста апостола, преданного Богу. В отличие от Пама, являющегося настоящим активным субъектом жития, определяющим развитие сюжета, новозаветные волхвы редуцированы лишь на эпизодический объект, сквозь который показывается сила истинной веры.

Параллели между Памом и библейскими волхвами не были лишь формально-декоративным литературным приемом. Как и другие аналогии данного рода, много раз появляющиеся в письменности средневековой Руси при изображении чужих культур, они исходят из фундаментов средневекового мировосприятия. При движении по вертикали добра и зла, при определении функции в ценностно разделенном мире время было нерелевантной величиной.²⁹ Если какому-нибудь из библейских народов присуждено то же место на аксиологической оси, как и какому-нибудь из этносов, живущих в соседстве средневековой Руси, или же если Пам оценивается так же, как новозаветные волхвы, то, невзирая на временную дистанцию, данные персонажи ощущаются в принципе как тождественные.

В какой мере вышеприведенный образ языческих пермян можно считать оригинальным? В основных чертах он определен, прежде всего, литературной традицией изображения чужих культур, как она развилась в письменности средневековой Руси: доминирующими являются не уникальные этно-географические сведения, а, прежде всего, создание аксиологической противоположности своей культуре. Вполне традиционным является и определение пермской религии. В данном отношении концепт чужой религии в *Житии Стефана Пермского* более традиционен, чем вышеупомянутое повествова-

²⁸ О Елиме ср. Деян. 13, 8-12; о Симоне Деян. 8, 9-13, о Александре Меднике 2 Тим 4, 14-15.

²⁹ Философ Е. Когак характеризует соотношение между временем и ценностью в средние века как две друг к другу перпендикулярные линии: ввиду того, что данные оси пересекаются в единственной точке, позиция на оси времени не имеет никакого аксиологического статуса: «Таким образом, позиция во времени оставалась аксиологически нейтральной. Кроме единственного события, пришествия Христова, на хронологической линии нечего существенного не происходило. Решающими считались события на аксиологической линии, на которой происходит драма человеческого спасения в форме перетягивания между Богом и Дьяволом за каждую единственную душу. Это остается одинаковым как в начале, так и в конце.» [Kohák 2009: 112] Если мы используем данную модель для нашей темы, т. е. для отдельных персонажей жития и их образцов, мы будем двигаться именно на аксиологической линии и категория времени станет нерелевантной.

ние о чудском волхве в *Повести временных лет*. Между тем как летопись приводит необычную для древнерусской письменности информацию об облике языческих богов, их власти и о потустороннем мире (в данной связи не важно, реальны ли в какой-то мере данные сведения, или они представляют собой литературный конструкт), изображение пермской веры основано на традиционной характеристике другой религиозной системы посредством форм культа, а не основных принципов самого вероучения. В данном отношении образ пермян соотносится также с латинской раннесредневековой миссионерской агиографией.

Уникальным, наоборот, является дифференцированный образ сообщества: во-первых, описание разнообразных реакций и установок пермского народа, во-вторых, создание образа его представителя, который даже становится ярким персонажем произведения и ему свойственно психологическое развитие, благодаря чему он производит даже более динамичное впечатление, чем сам миссионер. Именно динамический, психологический портрет носителя чужой культуры не имеет аналогий ни в существовавшей до того времени восточнославянской письменности, ни в средневековой миссионерской агиографии. Он представляет собой один из наиболее важных источников необычайной привлекательности и эстетических качеств данного жития.

Использованные источники:

Галицко-Вольнская летопись. In: Памятники литературы Древней Руси: XIII век, изд. О. П. Лихачева, Москва 1981, 236–425.

Житие Стефана Пермского. In: Святитель Стефан Пермский, изд.: Г. М. Прохоров, Санкт-Петербург 1995, 50–263.

Киево-Печерский патерик. In: Памятники литературы Древней Руси: XII век, изд. Л. А. Дмитриев, Москва 1980, 412–623.

Повесть временных лет. In: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века, изд. О. В. Творогов, Москва 1978, 22–277.

Jana Kanararia Život sv. Vojtěcha. In: Fontes rerum Bohemicarum, tomus I, Vitae sanctorum et aliorum quorundam pietate insignium, ed. Josef Emler. Praha 1873, 235–265.

Magistri Adami Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum. In: Quellen des 9. und 10. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgischen Kirche und des Reiches, ed. Werner Trillmich, Berlin 1961, s. 135–503.

Utrpení sv. Vojtěcha mučedníka. In: Fontes rerum Bohemicarum, tomus I, Vitae sanctorum et aliorum quorundam pietate insignium, ed. Josef Emler. Praha 1873, 231–234.

Verše o utrpení sv. Vojtěcha, biskupa a mučedníka. In: Fontes rerum Bohemicarum, tomus I, Vitae sanctorum et aliorum quorundam pietate insignium, ed. Josef Emler. Praha 1873, 313–334.

Vita Amandi episcopi I. In: Monumenta Germaniae historica, Scriptores rerum merovingicarum, tomus 5 – Passiones vitaeque sanctorum aevi Merovingici, edd. B. Krusch, W. Levison. Hannoverae et Lipsiae 1910, 431–449.

Vita Anskarii auctore Rimberto. In: Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum, ed. G. Waitz. Hannoverae 1884.

Vita et passio sancti Brunonis episcopi et martyris Querfordensis. In: Monumenta Germaniae Historica, Scriptores, tomus 30/2, ed. Henricus Kauffmann. Lipsiae 1934, 1350–1367.

Vita Lebuini antiqua, in: Monumenta Germaniae historica, Scriptores, tomus 30/2, ed. A. Hofmeister. Lipsiae 1884, 789–795.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ИВАНОВ, С. А. (2003): *Византийское миссионерство. Можно ли сделать из „варвара“ христианина?*. Москва.

GRAUS, F. (1965): *Volk, Herrscher und Heiliger im Reich der Merowinger*. Praha.

- HRABOVÁ, L. (1991): *Geschichte der Elbslawen und Prussen im Bilde der humanistischen Historiographie*. Praha.
- KOHÁK, E. (2009): *Domov a dálava. Kulturní totožnost a obecné lidství v českém myšlení*. Praha.
- KOMENDOVÁ, J. (2005): *Středověká Rus a vnější svět*. Olomouc.
- LÖWE, H. (1983): Westliche Peregrinatio und Mission. Ihr Zusammenhang mit den länder- und völkerkundlichen Kenntnissen des früheren Mittelalters. In: *Popoli e paesi nella cultura altomedievale*. Spoleto, 326-372.
- LE GOFF, J. (2007): *Paměť a dějiny*. Praha.
- PADBERG, L. E. v. (1995): *Mission und Christianisierung. Formen und Folgen bei Angelsachsen und Franken im 7. und 8. Jahrhundert*. Stuttgart.

КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ ЛЕВИТАН

Россия, Екатеринбург

СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

АБСТРАКТ:

The article analyzes difficulties of legal translation connected with types and contents of juridical texts. To provide the equivalent translation of juridical texts the translator must take into consideration specific character of national law systems, use the right translation transformations and relevant legal terms.

KEY WORDS:

Difficulties of legal translation – juridical texts types – originality of national law systems – translation of legal terms.

Юридический перевод как область практической речевой деятельности имеет своим объектом передачу содержания письменных и устных юридических текстов на исходном языке (ИЯ) средствами переводящего языка (ПЯ) с равноценным регулятивным воздействием. Как учебная дисциплина юридический перевод преследует цель развития у студентов переводческой компетентности на основе изучения иностранных правовых систем, надгосударственного и глобального права, языковых особенностей юридических текстов на ИЯ и ПЯ, техники и специфики юридического перевода. Точный корректно выполненный перевод юридического текста особенно важен для всех участников межкультурной профессиональной коммуникации. Юрист-переводчик несет большую моральную и правовую ответственность за качество и правильность перевода в сфере политики, права, дипломатии, военного дела, экологического сотрудничества, коммерческой деятельности.

Специфику юридического перевода обуславливают тип текста и содержащаяся в нем информация. Юридический текст имеет черты сходства с научным текстом и текстом инструкции, поскольку выполняет как познавательную, так и предписывающую функцию [Алексеева 2006: 288–289]. Такое коммуникативное задание имеют законы и все подзаконные акты, регулирующие отношения людей в обществе. Сюда же относятся международно-правовые договоры и конвенции.

Какими бы ни были юридические тексты по содержанию, они достаточно однородны по своим типологическим признакам. Комплекс языковых средств, который для них характерен, обеспечивает полноценную передачу предписывающей информации реципиенту.

Опираясь на виды информации, можно выделить следующие особенности юридического текста, которые следует учитывать при переводе.

Когнитивная информация содержится в первую очередь в юридических терминах. Они обладают всеми характерными признаками терминов: однозначность (абсолютная или относительная), отсутствие эмоциональной окраски, системность, точность, краткость, независимость от контекста. Часть из них известна не только юристам, но и всякому носителю языка, так как область применения их выходит за рамки юридического текста.

Для **законодательных** текстов характерно преобладание абсолютного настоящего времени глагола, пассивных конструкций, существительных и местоимений с обобщающей семантикой. Предписывающий характер информации передается с помощью глагольных структур со значением модальности необходимости и модальности возможности. Юридические термины употребляются на общем фоне письменной нейтральной литературной нормы языка.

Синтаксис законодательного текста отличается полнотой структур, разнообразием средств, оформляющих логические связи. Наиболее частотными являются логические структуры со значениями условия и причины. Эти значения выражены специальными языковыми средствами. Необходимость полно и однозначно выразить каждое положение, избегая двусмысленных толкований, приводит к обилию однородных членов предложения и однородных придаточных.

Законодательному тексту не свойственна компрессивность. Числительные, как правило, передаются словами. Не используются также личные и указательные местоимения и другие средства вторичной номинации. Преобладает тавтологическая когезия, т.е. повторение в каждой следующей фразе одного и того же существительного.

Юридическая терминология отражает процесс исторического развития права. Большую роль в истории становления современной юриспруденции сыграло римское право. Соответственно в формировании терминологии и стилистики правового текста первостепенное значение имеет латынь, которая вплоть до 5-го века нашей эры была языком культуры и образования. Некоторые современные юридические термины обладают архаичной окраской, их использование в тексте создает колорит высокого стиля. Этот эмоциональный оттенок законодательного текста связан с его высоким статусом в обществе и призван побудить граждан к правопослушному поведению.

В текстах **судопроизводства** сочетаются традиционные формы и клише языка права с элементами разговорного стиля. Судебная речь представляет собой разновидность публицистического стиля, которая включает в себя элементы научного и официально-делового стиля, а также элементы разговорного и литературно-художественного стилей. Она изобилует юридическими фор-

мулами, а убеждающий характер судебной речи предполагает использование специальных средств воздействия.

Юридические документы имеют клишированную форму. Когнитивная информация, содержащаяся в них, должна оформляться раз и навсегда установленным образом, согласно строгим конвенциям. Источник и реципиент этих текстов – фактически административные органы, которым документы нужны для подтверждения прав и полномочий соответствующих лиц.

В текстах документов физических и юридических лиц может присутствовать также оперативная информация. Она встречается в документах юридических лиц (уставы, договоры), средства ее оформления совпадают с соответствующими языковыми средствами в законодательных текстах. Эмоциональная информация в текстах юридических документов отсутствует. Языковые средства, оформляющие эти тексты, относятся к канцелярской разновидности письменной литературной нормы. Характерные черты этого стиля – обилие канцелярских клише; некоторая архаичность лексики; сложный синтаксис, который, однако, ориентирован на максимальную точность и однозначность формулировок; номинативность стиля; преобладание глагольных форм настоящего времени.

Коммуникативное задание таких текстов – сообщить реципиенту объективную достоверную информацию и предписать некие действия. Тексты юридических документов переводятся, как правило, по готовой модели, так как при переводе преобладают однозначные эквиваленты и однозначные трансформации.

В связи с особенностями юридических текстов теряет свою актуальность проблема переводимости, которая является предпосылкой переводческой эквивалентности как специфического отношения между исходным текстом (ИТ) и переводным текстом (ПТ). Эквивалентность перевода подразумевает соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации ПТ определенным параметрам ИТ, которое выражается в общности информации и равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ, их «равнозначности». Проблема переводимости, т.е. принципиальной возможности перевести текст, как правило, имеет значение для художественных текстов, которые представляют особую сложность для перевода в силу ярко выраженной творческой индивидуальности автора ИТ, что делает открытым перечень средств выражения эстетической информации.

Практика юридического перевода подтверждает факт креативности языков. Эта креативность выражается, среди прочего, в методах перевода, с помощью которых заполняются пробелы в лексической системе ПЯ. Переводимость является не только относительной, но и всегда прогрессивной, поскольку переводя, мы одновременно повышаем переводимость языков [Koller 1997: 186].

Показательно, что в Японии и Греции официально действуют Гражданские кодексы, тексты которых являются эквивалентными переводами с немецкого языка Германского гражданского уложения на государственные языки этих стран.

Специфика юридического перевода обусловлена в первую очередь особенностями языка права и профессиональной коммуникации в сфере права.

Своеобразие любого национального языка права определяется его органической связью с соответствующей правовой системой конкретного государства. В отличие, например, от математики, химии, экономики и других наук, предмет которых во многих странах является идентичным, специфика правоведения и языка права заключается в том, что юристы различных стран мира имеют дело с чрезвычайно отличающимися друг от друга сферами своей предметной деятельности. Большая часть права, которым занимается подавляющее большинство юристов, относится к соответствующему национальному праву. Исключения составляют международное право, международное частное право и европейское право. Несмотря на некоторое сходство правовых систем, прежде всего стран континентальной Европы, каждое государство имеет свой собственный правовой порядок, свои специфические правовые нормы, свои традиционные формы и процедуры судопроизводства и собственный язык права с соответствующей понятийно-терминологической системой.

Изучение иностранного языка означает поэтому для юриста одновременное изучение другой правовой системы. Перевод юридических текстов с одного языка на другой предполагает не только переход от одного языка к другому, но и одновременно переход от одной правовой системы, представленной в сознании юриста-переводчика как концептуальная картина юридической действительности своей страны, к другому миру права. Русскоязычный термин *право*, например, по своему значению и объему далеко не всегда совпадает с немецкоязычным термином *Recht* (ср. формулировку конституционного положения: *Bundesrecht bricht Landesrecht*), а также с англоязычными *right, law*.

Ключевой англоязычный юридический термин *law* соответствует русскоязычному понятию объективного права, но означает также *закон, судопроизводство*, тогда как субъективное право передается англоязычным словом *right*. Например, *common law* – «общее право», *comparative law* – «сравнительное правоведение», *rule of law* – «верховенство закона», *to stand to the law* – «предстать перед судом», *right of defense* – «право на защиту», *right of privacy* – «право на неприкосновенность частной жизни», *assignment of rights* – «уступка прав». А вот немецкоязычный термин *Recht* может означать как индивидуальное право, так и *закон, правосудие*, например: *Recht auf Bildung* – «право на образование», *Vaurecht* – «законодательство, регулирующее строительство».

Только учет специфики национального права и законодательства, использование переводческих трансформаций и нахождение соответствующих юридических терминов в ИЯ и ПЯ могут обеспечить адекватный перевод юридических текстов и способствовать тем самым гармонизации правовых смыслов различных политико-правовых систем мира.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АЛЕКСЕЕВА, И.С. (2006): *Введение в переводоведение*. М.
KOLLER, W. (1997): *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Wiesbaden.

ЧЕСЛАВ ЛЯХУР

Польша, Ополе

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ КАУЗАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СИСТЕМА ВТОРИЧНЫХ ПРЕДЛОГОВ

ABSTRACT:

The category of causality is a crucial linguistic category. It is hard to imagine the language that would lack specific means to express cause-and-effect relations. Syntactic constructions with primary prepositions are, arguably, most important. However, in Slavonic languages functioning today one can see a dynamic development of secondary prepositions with the semantics of cause, which in specialist texts convey more specific and precise meanings than primary prepositions. The paper focuses on semantic types of causal relations expressed in the Polish language by means of constructions with secondary prepositions.

KEY WORDS:

Causal relations – primary preposition – secondary preposition.

Статья продолжает наблюдения над категорией каузальности – одной из важнейших языковых категорий. Ее предметом являются семантические типы причинных отношений, устанавливаемые в современном польском языке посредством синтаксических конструкций с вторичными предлогами. Материал польского языка сопоставляется с русским языком.

Каузальность в философии – это необходимая причинная обусловленность явлений, при которой одно явление является причиной, другое – ее следствием. Причина предшествует следствию и вызывает его. Но каузальность – это не только философская, но и лингвистическая категория, служащая для обозначения связи событий и явлений. Трудно представить себе язык, в котором не было бы определенных средств для отражения причинно-следственных отношений, имеющих многочисленные, выраженные поверхностно, семантические оттенки.

Данную категорию следует считать функционально-семантическим полем. Полю свойственно несколько наиболее общих характеристик: наличие ядра и периферии, наличие в структуре поля микрополей, пересечение с другими полями. Ядро категории каузальности образуют предложные конструкции –

первообразного и вторичного характера, а периферию – остальные языковые средства (т.е. внепредложные средства).

Причинная семантика первичных предлогов в славянских языках развилась из пространственного значения (имеются в виду предлоги созвучные типа *от, с, из, за, через* и др.). Развитие каузальных значений из пространственного значения представляется довольно отчетливым и обоснованным (шире об этом см. Lachur [2006a] и Lachur [2006b]). Сравнительно большое количество причинных предлогов вызвано тем, что категория причины является также категорией «логической» (причинно-следственные отношения устанавливаются, как правило, на основе жизненного опыта говорящих). Но в силу национально-субъективного восприятия мира причинные отношения в разных языках (даже близкородственных) могут быть выражены в разной степени и по-разному. Поэтому функционально-семантическая категория причинности относится, как правило, лишь к конкретному языку.

Вокруг ядра функционально-семантического поля каузальности формируется его периферия. К периферийным средствам выражения данной семантики принадлежат: наречия (ср. *na próżno, niepotrzebnie, po próżnicy, niesłusznie, na przekór*; русские *зря, поневоле, сгоряча, понапрасну, сдуру, сслупу*, но также наречия типа: *przeniesiono go [почему?] karnie* ‘*przeniesiono go za karę*’ или русское [почему?] **осторожно** *промолчал*); фразеологизмы (*po staroй памяти, от делать нечего*); лексические средства, т.е. слова, в семантике которых заключен элемент причины, например, существительные типа *przyczyna, motyw, powód, bodziec* (в русском языке: *причина, мотив, стимул, повод*), глаголы *powodować, wywoływać, sprzyjać* (русские *вызывать, способствовать*). Сюда относятся и средства так наз. синтаксической деривации. Это прилагательные типа *śmiercionośny, boleznetworczy, śluzotoczący, smechotworczy*; польское *promieniotwórczy, rakotwórczy, śmiertcionośny* и др. Ср. также прилагательные типа *aseptyczny* ‘zapobiegający zakażeniu’, *antywłamaniowy* ‘zapewniający przed włamaniem, przyczyniający się do uniemożliwienia włamaniom’, *przeciwożarączkowy* ‘zwalczający gorączkę, niszczący działanie gorączki’. К периферийным синтаксическим средствам выражения причинных отношений принадлежат и обособленные причастия и деепричастия (причастные и деепричастные обороты) типа польского. **Nie mając nic do czytania, nudził się** или русского **Усталые, спутники остановились на ночлег**, где появление семантики причины обуславливает синтаксическое обособление данных выражений.

Как видно из приведенных примеров, каузальные отношения выражаются при помощи различных языковых средств, основным из которых являются конструкции с первообразными предлогами. Но на современном этапе функционирования славянских языков (в первую очередь, польского и русского) наблюдается бурное развитие вторичных предлогов с причинной семантикой, которые очень активно вливаются в специальные тексты и язык средств массовой информации.

Количество данных предлогов увеличивается, главным образом, за счет перехода отдельных полнозначных слов (или сочетаний слов) в категорию предлогов. Переход знаменательных частей речи в предлоги является одним из основных средств обогащения языков, но степень опредложивания словоформ не одинакова: в данном процессе участвуют лишь отдельные предложно-падежные формы.

Для современных славянских языков характерен активный процесс, определяемый как экспансия аналитических конструкций, их стремительное распространение за первоначальные пределы. Проявлением упомянутой экспансии является не только рост частотности предложных соединений, все чаще замещающих сочетания с синтетической предложной формой, но и замена одних предложных конструкций другими, которые уточняют, дополняют или усиливают семантические функции выражений, вытесняемых из употребления. Интересно, что этими новыми синтаксическими средствами являются, как правило, составные предложные выражения типа *z uwagi na*: *z uwagi na dobro śledztwa nowe okoliczności sprawy zostały ujawnione dopiero teraz*, русское *учитываемые предполагаемые результаты расследования*; *z racji*: *z racji swego zawodu przebywała wyłącznie z mężczyznami*, русское *в силу своей профессии* (примеры из [Milewska 2003]). Ср. также: *z powodu choroby* 'по поводу болезни', *na wypadek choroby* 'в случае болезни', *w razie nieszczęścia* 'в случае несчастья' и др.

Данная группа предложных выражений, являясь открытым классом, постоянно пополняется новыми единицами, его элементы дополняют и поддерживают падежную систему. Процесс дополнительной семантизации, усиления семантической четкости конструкций с первообразными предлогами происходит или путем пополнения конструкции лексическими средствами, или замещения первичных предлогов специализированными предложными выражениями, являющимися более четкими в отношении значения. Второму из названных трансформационных способов уделяется значительно меньше внимания. Как правило, словари и грамматики польского языка не отмечают единиц, употребляемых в роли целостных предложных выражений. Полный список таких единиц в научной литературе пока не представлен, значит, необходимость их комплексной фиксации, классификации и лексикографического описания становится очевидной.

Семантические типы каузальных отношений, выражаемых при помощи предложно-падежных форм с первообразными предлогами, были более или менее последовательно и исчерпывающе установлены в нескольких работах (ср. [Всеволодова, Ященко 1988]; [Klebanowska 1982]). Но те же типы значений, передаваемых при помощи конструкций с вторичными предлогами, не были до сих пор объектом подробного анализа, хотя языковой материал показывает, что конструкции с вторичными предлогами употребляются (по крайней мере, в польском языке) все шире.

На основе конструкций с данными предлогами выделяется несколько семантических типов причинных отношений, среди которых можно установить:

1. Собственно причинные отношения (*z przyczyny, z powodu, ze względu na, z racji, z uwagi na, wobec, w związku z, mocą, na mocy, z tytułu, pod wpływem, pod presją, pod naciskiem, w obliczu* и др.). Конструкции с данными предлогами указывают на непосредственную причину изменения в состоянии лица или предмета, на причину возникновения непроизвольного действия, а также на мотив или обоснование факта.

2. Причинные отношения с ложной мотивацией (*pod maską, pod osłoną, pod pozorem, pod pretekstem, pod płaszczykiem* и др.).

3. Причинные отношения с оттенком результативности (*na skutek, wskutek, w efekcie, w następstwie, w konsekwencji, w odpowiedzi na, w wyniku, w rezultacie* и др.).

Количественный состав вторичных предлогов со значением каузальности довольно значительный как в польском, так и в русском языках. Генетическое родство данных языков объясняет наличие большого числа структурно соотносимых причинных предлогов. Ср.: *w związku z* – в связи с, *w zależności z* – в зависимости от, *w odpowiedzi na* – в ответ на, *pod pretekstem* – под предлогом, *pod wpływem* – под влиянием и др. Но многие предлоги относятся к национально специфичным; ср. русские *ввиду, в видах, ради, на почве, сообразно* с и др. Наличие маркёров *ввиду, в видах* свидетельствует, например, о том, что в русском языке при экспликации причинных отношений важна временная категоризация (ориентация причины на будущее): *купить **ввиду** предстоящей свадьбы* ‘*kuścić ze względu na zbliżający się ślub*’. Если причина гипотетична, но необязательна, используется предлог *на случай*: *взять зонтик **на случай** дождя* ‘*wziąć parasol na wypadek deszczu*’.

Предлоги данного типа широко распространены в официально-деловом, научном и публицистическом стилях языка. Специализация вторичных каузальных предлогов в обоих языках выявляется с учетом отнесенности к выражаемой типовой ситуации (конкретному типу отношений). Каждая типовая ситуация имеет свой набор предлогов, среди которых один или несколько являются семантическими доминантами. Перечень предлогов зависит, в первую очередь, от значения следственного и причинного компонентов конструкции.

В заключение скажем следующее. Исследование семантики вторичных предлогов, их системных свойств и передаваемых ими семантических отношений – одна из актуальных проблем современной лингвистики. Кроме того, первообразные и вторичные предлоги в современных славянских языках существуют не изолированно друг от друга, а представляют собой систему. Как первообразные, так и вторичные предлоги, употребляемые для выражения конкретной семантики, находятся в определенных отношениях и связях друг с другом, образуя некоторое единство.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

ВСЕВОЛОДОВА, М.В., ЯЩЕНКО, Т.А. (1988): *Причинно-следственные отношения в современном русском языке*. Москва.

- KLEBANOWSKA, B. (1982): *Wyrażenia przyczynowe z rzeczownikami abstrakcyjnymi we współczesnej polszczyźnie*. Warszawa.
- LACHUR, Cz. (2006a): O istocie przyczyny w lingwistyce. In: *Мова. Людина. Світ. До 70-річчя професора М. П. Кочергана. Збірник наукових статей*. Київ.
- LACHUR, Cz. (2006b): O пространственном происхождении причинных предлогов в славянских языках. In: *Девятый международный симпозиум МАПРЯЛ 2006. Доклады и сообщения*. Велико-Тырново.

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МОКИЕНКО

Россия, Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ЖАРГОННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

ABSTRACT:

The article deals with the problem of lexicographical representation of substandard phraseology. The choice of jargon words and expressions, stylistical marking, definition of jargonisms, explanation of the inner form and other parameters of the Phraseological Dictionary of Russian substandard are regarded.

KEY WORDS:

Lexicography – substandard – phraseology – jargon words and expressions – Dictionary of Russian substandard.

Предложенная нашими гостеприимными организаторами тематическая доминанта традиционной фразеологической секции, как всегда, актуальна. Но для Оломоуца она полна особого, я бы сказал, «заветного» смысла. На наших глазах оломоуцкие лексикологи и фразеологи переживают **процесс бурной субстандартизации**: Л. Степанова начала заниматься сопоставительным анализом русских и чешских жаргонизмов [Степанова 2007, 2009; Stěpanova 2008], Л. Воборжил, который давно уже увлечён русским субстандартом (особенно в его интернетно-компьютерном спектре), совершил знаковое действие: во втором номере нового международного славистического журнала „Rossica Olomucensia“ опубликовал основательную штудию «Малые слова великого языка I – «типа»» об активно распространяющемся русском субстандартизме *типа* [Воборил 2008: 45–53]. Аспирантка отделения украинистики Гана Молнарова предпринимает «мозговую атаку» на украинский субстандарт и уже собрала весьма значительный материал.

Вот почему тема «Фразеология и нонстандарт», вынесенная Л. И. Степановой в заглавие фразеологической секции, нас, жаргонологов и фразеологов из разных стран, весьма порадовала и заставила, говоря субстандартно, «почесать репу».

Для меня лично эта тема давно стала привлекательной не только своей актуальностью, но и возможностью коллективной работы над словарями славянского субстандарта, к которой нас в студенческие годы призывал наш ленинградский учитель проф. Б. А. Ларин. Мне повезло, что составлением жаргонных словарей вместе со мной увлеклись такие известные жаргонологи и фразеологи, как Т. Г. Никитина и Харри Вальтер. Благодаря нашему сотрудничеству, увлечённости и неутомимости моих соавторов мы накопили объёмную базу данных по русскому, украинскому и немецкому субстандарту, выпустили в свет около 20 жаргонных словарей, в том числе два объёмистых – «Большой словарь русского жаргона» [БСЖ 2000] и «Русско-немецкий словарь жаргона» [Вальтер, Мокиенко 2007], которые дождались и дожидаются переизданий в расширенном виде. Опыт общего лексикографирования жаргона, с одной стороны, и осознание фразеологической специфики субстандарта, с другой, привели Т. Г. Никитину, Харри Вальтера и меня к идее специализированного словаря русской жаргонной фразеологии. Над этим проектом мы работаем уже более 5 лет и в черновом виде наш словарь уже готов. Редактировать его в своё время согласился наш друг и известный знаток русского субстандарта проф. В. Б. Быков. С ним мы также активно сотрудничали и получали от него ценные импульсы для составления нашего словаря.

Три года назад, на хорватском острове Раб, на котором членом нашей фразеологической комиссии проф. Ж. Финк была организована незабываемая международная конференция по славянской фразеологии, проф. Х. Вальтер и Т. Г. Никитина в своём докладе «О новом словаре русской жаргонной фразеологии» [Вальтер, Никитина 2007] уже познакомили фразеологов-славистов с идеей нашего словаря и изложили общетеоретические посылки его составления. Пользуюсь случаем, чтобы доложить собравшимся о продвижении нашего словаря и о практических основах, на которых он теперь зиждется.

При формировании словника мы исходили из реального факта, что субстандартная фразеология является в современном русском языке одним из самых питательных источников фразеологической неологии [Мокиенко 2003], составляя не менее 40 % от её общего объёма.

При словарной обработке этого внушительного речевого массива, однако, лексикографы не уделяют внимания его чисто фразеологической специфике: тематической доминантности, повышенному экспрессивному потенциалу, иной (по сравнению с лексикой) стилистической маркированности, диффузности семантики, профессиональной ориентированности, социолектной избирательности и т. д. Неточные и излишне общие дефиниции, почти полное отсутствие стилистической дифференциации, произвольный отбор единиц описания, неразличение устойчивых и неустойчивых словосочетаний, «разнобойное» отражение вариантов, некоординированность синонимов и спорадическая или зачастую произвольно-фантастическая интерпретация внутренней формы – перечень огрехов, характерных для лексикографической обработки фразем в большинстве словарей, можно продолжить.

Разумеется, субстандартная фразеология во многом отражает общие закономерности языкового субстандарта – прежде всего лексики. Однако, у субстандартной фразеологии есть и собственная специфика, не акцентируя внимания на которой, невозможно получить адекватного представления о функционировании закономерностей образования субстандарта как такового.

Семантическая специфика субстандартной фразеологии во многом определяется общими закономерностями фразеологической семантики – «добавочностью смысла» (Б. А. Ларин) и вытекающей из неё повышенной экспрессивностью и оценочной дифференцированностью. Экспрессивность при этом становится релевантным семантическим качеством фразеологизмов, для которых, в отличие от лексем, оппозиция «экспрессивное – нейтральное» практически полностью диспропорциональна в пользу её первого полюса [Мокиенко 1989: 206–232].

Семантическая и структурная специфика фразеологии во многом определяет и свойства её субстандартной части. Поэтому многие приёмы лексикографического описания фразеологических жаргонизмов в нашем словаре опираются на традиции составления фразеологических словарей литературных языков, с тем, конечно, отличием, что над нами не висел Дамоклов меч нормативности, столь знакомый всем фразеографам.

Наш «Большой фразеологический словарь русского жаргона» предназначен для широкого читателя – как русского, так и зарубежного. Он во многом является синтезом и дальнейшим развитием жаргонографических и фразеографических работ авторов. Как и во многих из них [см.: БМС 2005; БСЖ 2000; Walter, Mokienko 2001; Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005 и др.], целью этого словаря является максимально полная информация об описываемых языковых единицах русского языка – в данном случае фразеологизмах русского жаргона.

К таковым мы относим такие обороты, как *подсесть на бабки, ловить/ловить (поймать) кайф, лифоном не отмахнешься, стучать пяткой в грудь, чучу отчубучить*). Все они маркированы бытованием в субстандартной речевой среде и потому аккумулировали в себе особую экспрессию и стилистику, полностью ощущаемую лишь носителями конкретных разновидностей жаргона. Именно поэтому основной целью лексикографической обработки субстандартных фразеологизмов является комплексная характеристика их семантики и стилистического многообразия – как в функциональном, так и на экспрессивно-эмоциональном регистрах.

Отбор словника для данного Словаря подчинен принципу комплексного комментирования специфической (и не всегда понятной) для среднего русскоговорящего читателя жаргонной фразеологии. Информацию такого рода, разумеется, предлагают читателю и общие словари русского жаргона. Тем не менее, даже в больших толковых словарях сводного типа, напр., [БСЖ 2000 или Грачев 2003] такая информация подчинена принципу описания жаргонной лексики. Фразеологизмы обычно (как и в толковых словарях) «сбрасываются» в соответствующие рубрики семантизируемого слова и играют во многом

роль полуконтекстных иллюстраций, а не самостоятельно характеризуемых вокабул. Кроме того, раздельнооформленная структура фразеологизма делает трудной для лексикографирования даже самую простую формальную проблему: в большинстве жаргонных словарей их помещают под самые различные, нередко наугад выбранные компоненты, без отсылочных статей и формального упорядочения, что значительно затрудняет даже поиск нужного жаргонного выражения. Сосредоточение фразеологического материала в одном цельном словарном блоке позволило нам, как кажется, унифицировать и специализировать принципы его описания. Описываемый словник от такой специализации значительно выиграл как качественно, так и количественно. В качественном отношении такой подход позволил относительно единообразно описать не только тождественные, но и близкие по семантике, стилистике и структуре жаргонные фразеологизмы. В количественном же отношении такой подход позволил собрать в одном словарном корпусе не менее 12 000 субстандартных выражений – как описанных нашими предшественниками, так и новых, собранных путем анкетирования и опроса информантов. Тем самым, как кажется, достигнута системность лексикографического описания столь разнородного материала, как жаргонная фразеология.

Проявления системности в жаргонной фразеологии, тем не менее, не столь определены, как в лексической и фразеологической системе русского литературного языка. Так, формирование идеографических рядов здесь идет по пути семантической концентрации концептов, отражающих реалии соответствующих социумов. Доминантами здесь являются, с одной стороны, такие понятия «эпицентры», как «Обман», «Воровство», «Деньги», «Секс» и т.п., с другой, – отрицательные характеристики тех же общечеловеческих свойств, что и в разговорной и литературной фразеологии: «Глупость», «Безделье», «Внешние недостатки» и т.п.

Учет семантической универсальности фразеологии как особой части языковой системы, с одной стороны, и специфичности ее функционирования в субстандарте, с другой стороны, поставил перед составителями предлагаемого Словаря задачу нетрадиционного подхода к отбору словника. Мы не могли ограничиться только тем материалом, который входит во фразеологическое ядро любого языка, т.е. идиоматикой. Разумеется, она представлена в нашем словнике во всей ее полноте и семантическом и структурном многоцветии.

В состав идиоматического ядра нашего словаря входят сочетания тех же структурных типов, что и в литературном русском языке:

1) глагольные выражения: **Крошчить корки на кого**. Мол. Неодобр. Вести себя агрессивно по отношению к кому-л.; **Иди почту разноси!** Жарг. мол. Требование удалиться, оставить в покое кого-л.; **Яйца колоть**. Жрр. Вульг. Эвфем. Заниматься сексом, совокупляться.

2) субстантивные выражения: **Миллион на миллион**. Авиа. О хорошей, ясной погоде; **Мимоза в тапочках**. Мол. Шутл.-ирон. Девушка-недотрога; **Чучело говорящее**. Жрр. Бранно. О неприятном на вид тупом человеке.

3) адъективные обороты: **Три метра дранки**. Мол. Шутл.-ирон. О худощавом человеке очень маленького роста; **Цыплячья нога**. Мол. Пренебр. О худощавом человеке; **Кудрявые руки у кого**. Мол. Шутл.-ирон. О неловком, неумелом человеке.

4) адвербиальные обороты: **До лампочки кому**. Жрр. Безразлично, наплевать; **Не в сознанке (быть)**. Угол. Быть в состоянии душевного волнения, без сознания; ничего не знать о чем-л.

5) устойчивые сравнения: **Вкалывать как сто китайцев**. Мол., Жрр. Шутл.-ирон. О чьей-л. чрезвычайно интенсивной работе. **Работать (пахать, вкалывать) как папа Карло**. Жрр., Магнит. Шутл.-ирон. Выполнять тяжелую работу; **Простой как электровеник**. Магнит. 1. Шутл. Об общительном, открытом, компанейском человеке. 2. Пренебр. О пошлом, примитивном человеке. 3. Неодобр. О наглom, нескромном человеке.

Специфичность картины мира, отражаемой речью носителей жаргона, потребовала от составителей данного словаря максимально полного описания и таких словосочетаний, которые не являются строго идиоматическими, но аккумулируют своеобразную фразеологическую экспрессию, дающую им право на включение в корпус словаря. Это чрезвычайно разнообразные словосочетания полутерминологического, номенклатурного или перифрастического типа, отражающие социальную полифонию соответствующей фразеологии – таких групп, как воровской мир, школьники и студенты, военные и моряки, спортсмены, представители бизнеса и различных профессий и мн. др. Вот несколько примеров словосочетаний такого рода:

Сдавать/сдать шкурку. Арест. Ирон. или Пренебр. *О письменном или устном доносе администрации ИТУ*; **Мерить/смерить стёкла**. Угол. Выдавливать оконные стекла с помощью липкой бумаги, пластыря и т.п.; **Втыкать/воткнуть марафет**. Угол., лаг., Нарк. Нюхать кокаин; **Святой отец**. Шк. Шутл. Классный руководитель – мужчина; **Железные резервы**. Бизн. Часть оборотного капитала, которая финансируется за счет долгосрочных средств; **Ехать/поехать пузырём**. Ж/д. Поехать резервом; **Топтать флаги**. Мол., арм. Служить в погранвойсках; **Идти/пойти (ходить/сходить) на шхельду**. Спорт. (альп., тур.). Пойти, идти в туалет; **Кожаная эскадрелья**. Авиа. О летчиках, допущенных к полетам за границу.

Легко заметить, что все они несут на себе семантическую печать специализации разного типа жаргона и в этом смысле функционально приближаются к составным терминам. При этом, однако, «классическими» профессиональными терминами их назвать никак нельзя, поскольку на них лежит и вторая печать – печать той «добавочности смысла», которую Б. А. Ларин считал одним из важнейших свойств фразеологии. Это особая экспрессия, создаваемая в большинстве случаев эффектом переосмысления, образностью. Метафоричность большинства таких словосочетаний и их стилистическая маркированность стали основным критерием для включения их в наш фразеологический словарь.

Не менее важным аргументом явился и факт почти постоянного пересечения «профессиональных» и «чисто экспрессивных» словосочетаний в сфере субстандартной фразеологии. Для нее весьма типично, с одной стороны, движение к «профессионализации» от сугубо идиоматичных словосочетаний. Так, один из лексических вариантов арготических оборотов с общефразеологическими значениями **Мочить/отмочить залепухи**. Совершать оригинальные поступки, делать что-л. необычное. **Лепить залепуху**. Мол. 1. Обманывать кого-л. 2. Неудачно шутить употребляется в криминальном жаргоне и в специализированном значении – «обвинять кого-л. по статье уголовного кодекса».

Нередко даже в орбиту специализированной арготической семантики попадают литературные прецедентные тексты – напр., крылатые выражения А. С. Пушкина. Претерпевая семантическую трансформацию, они становятся «профессионализированными» арготизмами:

Пиковая дама. 1. Спорт. Альпинистка. 2. Мол. Медсестра, делающая уколы.

Прикинутый как лондонский жених. Жарг. Одесск. Одобр. О стильно, очень модно одетом человеке.

Окно в Европу. 1. Арм. Шутл.-ирон. Контрольно-пропускной пункт. 2. Арм. Шутл. дыра в заборе.

Маленькие трагедии. Шк. Шутл.-ирон. О психологическом состоянии ученика после получения неудовлетворительной оценки. По названию цикла пьес А. С. Пушкина.

Сюда не зарастёт народная тропа. 1. Арм. Шутл. Об армейской чайной, буфете. 2. Арм. Ирон. О гауптвахте. 3. Шк. О школьном туалете.

С другой стороны, источником весьма актуальных и для современного русского литературного языка, и для живой речи фразеологизмов нередко становятся профессионально специализированные жаргонизмы. Так, образ выражения **вешать лапшу на уши** для носителя русского языка хотя и прозрачен, но абсурден до непонятности. За его алогичностью кроется специализированная «тайная» семантика слова **лапша**. В воровском арготе это слово, помимо других «специализированных» значений («цепочка для медальона», «ремешок для часов», «браслет» и др.), значит и «небольшой лоскут ткани». Отсюда - расшифровка первоначального образа выражения: «закрыть уши лоскутом ткани с целью усыпить бдительность обкрадываемого, сделав его глухим». Ср. также толкование жаргонных оборотов *по благу, до лампочки, на халяву, мочить в сортире* и др. в словаре.

Таким образом, расширение словника большого словаря русской жаргонной фразеологии за счет маркированных субстандартом экспрессивных словосочетаний-«профессионализмов» продиктовано составителям ее функционально-семантической спецификой, обусловленной несколько иным членением языковой картины мира, чем у общелитературной фразеологии. Тем самым нами сделана попытка концентрированно представить в нашем словаре культурологические концепты русской жаргонной фразеологии и отраз-

ить в нем как те семантические поля (весьма активные), которые сближают ее с фразеологической системой литературного языка, так и специальные концептные блоки, характеризующие речь носителей субстандарта.

При формировании словника на предлагаемой нами основе мы исходили из принципа, что составитель не имеет права скрывать от читателя трудных, спорных проблем лексикографического описания конкретных ФЕ. Именно поэтому мы не отказывались и от включения в словник фразеологических жаргонизмов, занимающих пограничное положение между собственно фразеологизмом и составным термином. Как правило, решающим мерилем отбора в таких случаях становилась ощутимая квота уже названной выше «добавочности смысла», т.е. повышенной экспрессивности словосочетания. Отсюда – и достаточно широкий набор материала из разнообразных источников, в том числе и специализированных (напр., отражающих жаргон наркоманов, дельтапланеристов, гомосексуалистов и т.п.).

Использование единого определяющего критерия для отбора единиц словарного описания имеет, как известно, свои плюсы и минусы. Плюсом в нашем случае явилась, как кажется, сама возможность из множества реально функционирующих в русском жаргоне словосочетаний отобрать максимальное количество именно таких, которые имеют субстандартную семантическую и функционально-стилистическую маркировку. Минусом такого отбора является определенная разнородность выделенного по доминирующему принципу корпуса фразеологизмов. Они разнородны по таким характеристикам, как частотность функционирования в текстах разного типа, социальным и хронологическим параметрам происхождения, стилистической характеристике и тематическому диапазону. Нельзя при этом не признать, что такая разнородность свойственна и всей современной фразеологической системе русского языка в целом: это в большой степени вытекает из категориальной динамичности фразеологии как особого набора языковых единиц. Вот почему главным стремлением составителей этого словаря, корпус которого очерчен несколько шире, чем корпус любого общелитературного фразеологического словаря, была корректная и адекватная лексикографическая квалификация с предельно точной паспортизацией источников.

Опыт уже изданных нами фразеологических и жаргонных словарей показывает, что разнородность отбора материала, обусловленная жанром словарей полного типа и специализированных справочников, вполне преодолима *принципом дифференциации*. Такими способами лексикографической дифференциации материала в этом словаре явились прежде всего детализированные и специализированные дефиниции каждого описываемого выражения и стилистические пометы.

Принцип дифференциации посредством стилистических помет, использовавшийся в других наших фразеологических и жаргонных словарях, нашел в нашем словаре еще более интенсивное и детализированное применение. Описываемые фразеологизмы здесь сопровождаются конкретизирующими пометами двух рангов:

- 1) сферы функционирования данной ФЕ (разг., прост., жрр., книжн., устар., нов.);
- 2) экспрессивно-эмоциональной окраски (шутл., шутл.-ирон., ирон., шутл.-пренебр., вульг., бран., одобр., неодобр.).

Поскольку социальная сфера функционирования жаргонной фразеологии (как и жаргона в целом) весьма дифференцирована, в словаре используется чрезвычайно детализованная система помет такого рода (см. список сокращений), напр.: Авиа, Авто, Арм., Журн., Курс., Морск., Муз., Студ., Шк.

Стилистические пометы дают читателю сигнал активного/пассивного употребления ФЕ в системе русского жаргона, указывают на социальную среду их бытования, в какой-то степени предлагают хронологические ориентиры фиксации того или иного фразеологического жаргонизма. Так, помета *устар.* констатирует ослабленную активность употребления ФЕ даже в жаргонной среде, а отсылка к соответствующему источнику уточняет такого рода информацию.

После стилистических помет каждая описываемая фразеологическая единица снабжается дефиницией. Тем самым читатель получает истолкование ее актуального значения в системе современного русского жаргона, напр.:

Ставить/ поставить на уши кого. Угол., мол. 1. Бить, избивать кого-л.; устраивать нагоняй кому-л. 2. Грабить, обворовывать кого-л. 3. Грабить кого-л. в нелюдном месте.

На цырлах (на цырлах). Жрр. Неодобр. Быстро и аккуратно; с угодливостью, услужливостью.

Замять для ясности. 1. Угол. Прекратить неудачную кражу. 2. Прекратить разговор, оставшись при своем мнении.

Дополнительно к дефинициям, которые раскрывают специально-жаргонную семантику описываемых фразеологизмов, составители в необходимых (и возможных) случаях предлагают и расшифровку исходного образа фразеологизма. К сожалению, историко-этимологическая интерпретация русской и славянской субстандартной лексики и фразеологии по разным причинам еще отстает от этимологизации литературной лексики и фразеологии и в русской лексикографии пока имеется лишь один историко-этимологический словарь жаргонизмов [Грачев, Мокиенко 2000, 2008]. Однако даже краткие экскурсы в историю некоторых из описываемых выражений полезны уже потому, что они демонстрируют динамизм современного жаргона, его энергичное проникновение как в живую русскую речь, так и в литературный язык и язык средств массовой информации. Во многих случаях поэтому за «диахроническим» знаком < читателю предлагается и краткая расшифровка специализированно жаргонной лексики. Вот несколько подобных комментариев:

Пьян (пьяный) в лапшу. Жрр. Мол. Ирон. О мертвецки пьяном человеке. < Мотивировка выражения объясняется излишне конкретно: «настолько пьяный человек, что его тело повторяет движения лапши в супе». Вероятнее, однако, исходный образ – раздробление, раскрошение лапши. Ср. **искрошить в лапшу** и ряд оборотов, образованных по той же семантической

и словообразовательной модели: в *дребадан, вдрызг, вдребезги, в дрезину, в дым, в лоскут, в пыль*.

Уходить/уйти во льды. 1. Арест. Бежать из заключения. 2. Лаг., Угол. Совершать побег на севере. 3. Совершать побег в зимнее время. < Из северных лагерей легче бежать, когда болота тундры скованы льдом, а в воздухе нет туч мошкары и комаров.

Хаюшки булы! Мол. Шутл. Здравствуй, привет. < Шутливая контаминация американского приветствия «Хай!» (от англ *Hi* 'оклик «Эй!»') «Здравствуй! Привет!» и украинского *Здоровеньки були!*

Комбинация толкования, стилистических помет и комментариев разного рода, как кажется, создает относительно полную картину реального функционирования фразеологизмов в современном русском жаргоне. Этому способствуют также текстовые и узуальные иллюстрации, позволяющие представить реальное функционирование жаргонных фразеологизмов в живой речи.

Таким образом, составляемый Х. Вальтером, Т. Г. Никитиной и автором этих строк словарь ориентирован на комплекс различных параметров описания русской жаргонной фразеологии, которые позволяют представить его как своеобразную функционально-семантическую систему, отличную от фразеологической системы языка литературного. В то же время, разными способами демонстрируя такое своеобразие, составители стремились последовательно и целенаправленно показать и активное взаимодействие субстандарта и литературно нормированной фразеологии, подчеркнуть роль этого взаимодействия в обогащении экспрессивных ресурсов современного национального русского языка. Мощный потенциал русской фразеологии, всегда подпитываемый соками живой речи, сейчас особенно возрос благодаря симбиозу нормированного и ненормированного. Живительная – хотя иногда и чрезмерно буйная – струя жаргонной фразеологии заряжает нашу демократизировавшуюся речь особой энергией и силой. И уже поэтому требует специального лексикографического осмысления.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БСЖ 2000: МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. (2000): *Большой словарь русского жаргона. 25 000 слов и 7 000 устойчивых сочетаний*. СПб.: «Норинт».
- БМС 2005: БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И. (2005): *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов*. СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина. – Под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс.
- ВАЛЬТЕР Х., МОКИЕНКО В. М. (2000): *Краткий русско-немецкий словарь жаргонной фразеологии (1000 жаргонизмов речи молодежи с немецкими параллелями). Экспериментальный выпуск. Часть 1–2*. Грайфсвальд.
- ВАЛЬТЕР, Х., МОКИЕНКО, В. М. (2000а): *Краткий русско-немецкий словарь жаргонной фразеологии (1250 жаргонизмов молодежного сленга с немецкими параллелями). Экспериментальный выпуск. Часть 1-2*. Грайфсвальд.
- ВАЛЬТЕР, Х., МОКИЕНКО, В. М., НИКИТИНА, Т. Г. (2005): *Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона. Около 5000 слов и выражений*. М.: АСТ-Астрель-Транзиткнига.
- ВАЛЬТЕР, Х., МОКИЕНКО, В. М. (2007): *Большой русско-немецкий словарь жаргона и просторечий*. М.: «Восток – Запад».
- ВАЛЬТЕР, Х., НИКИТИНА, Т. Г. (2007): О новом словаре русской жаргонной фразеологии. In: *Slavenska frazeologija i pragmatika. Славянская фразеология и прагматика*. Zagreb: KNJIGRA.

- ВОБОРИЛ, Л. (2008): Малые слова великого языка I – «Типа» In: *Rossica Olomucensia. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Vol. XLVII. Num. 2.* Olomouc: Univerzita Palackého, s. 45–53.
- ГРАЧЕВ, М. А. (2003): *Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений.* М.: РИПОЛ КЛАССИК.
- ГРАЧЕВ, М. А., МОКИЕНКО, В. М. (2000): *Историко-этимологический словарь воровского жаргона.* СПб.: Фолио-Пресс.
- ГРАЧЕВ, М. А., МОКИЕНКО, В. М. (2008): *Русский жаргон: Историко-этимологический словарь / Программа «Словари XXI века».* М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
- МОКИЕНКО, В. М. (1989): *Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп.* М.: Высшая школа.
- МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Новая русская фразеология.* Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej.
- СТЕПАНОВА, Л. (2007): К понятию общий жаргон в современном русском языке. In: *Rossica Olomucensia XLV (za rok 2006).* Olomouc: Univerzita Palackého, s. 79–86.
- СТЕПАНОВА, Л. (2009): К изучению сленга и арго в современном чешском языке (на материале «Словаря нелитературного чешского языка»). In: A. Bierich (ed.): *Varietäten im Slavischen.* Frankfurt am Main: Peter Lang, s. 299–309.
- ТРАХТЕНБЕРГ, В.Ф. (1908): *Блатная музыка («Жаргон» тюрьмы).* СПб.
- МОКИЕНКО, V., WALTER, H. (2000, 2001): *Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch.* Frankfurt am Main-Berlin-Bern-Bruxelles-New York-Oxford-Wien: Peter Lang Verlag.
- SNČ 2006: *Slovník nespisovné češtiny. 2. vyd.* Ed. J.Hugo. Praha.
- STĚPANOVA, L. (2008): Jazyk současné ruské mládeže. In: *Cizí jazyky* 51, 2007/2008, č. 5, s. 154–156.

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ ПОЗДЕЕВ

Россия, Киров

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАССКАЗА М. ГОРЬКОГО «ДЕД АРХИП И ЛЁНЬКА»

ABSTRACT:

The tale by M. Gorkiy "Grandparent Arhip and Lyonika" consists of several separate tales forming a cycle about hobo and shows that mythopoetic, galley proof artistic consciousness of the writer, who promotes the understanding of artistic-poetical vision of the problems "faiths", "sin", "sin in the name of children", "death" ("Tanatos"), "afterlife". The mythopoetic and religious-philosophical underlying theme of the tale is deeply symbolic. Its symbology reveals itself as most as in a symbolic plan of the plot, in the image of the characters, so and in detail, which enrich the sense and plot, and figurative system as a whole.

KEY WORDS:

Gorkij – story – mythopoetic – public popular beliefs – spiritual.

Интерес к творчеству Горького 1890–1900-х гг. вновь обретает актуальность. Изучение ранних рассказов писателя свидетельствует, что в его художественном сознании этой поры соединялись различные слои культуры патриархальной и культуры городской. Творчество Горького «многослойно»: в нем отразились как социальные проблемы, которые пытался осмыслить писатель, так и его стремление художественно «освоить» некоторые философско-религиозные проблемы. Невозможно понять его ранние произведения без уяснения художественно-поэтического видения проблем «веры», «греха», «смерти (Танатоса)», «загробной жизни». Художественное и ментальное видение смерти у Горького взаимно «провоцируют» друг друга, что дает ключ к пониманию и воспроизведению литературно-художественного решения философских проблем бытия. Всё это и составило основу сложного и неоднопланового восприятия мира и человека. В ранних рассказах М. Горького, на наш взгляд, скрыт большой смысловой потенциал, который автор намеренно или непреднамеренно «зашифровал» в том или ином произведении. Этот синтез нашёл своё отражение во многих ранних рассказах Горького, но в должной мере он не изучен и по сей день.

Рассказ «Дед Архип и Лёнька» (1894) стоит несколько обособленно в цикле рассказов о босяках и представляет, на наш взгляд, наиболее явственно те мифопоэтические грани художественного сознания писателя, которые в других его рассказах этого периода хотя и присутствуют, но подчас уведены вглубь, заслонены социальным планом. Эксплицитное восприятие текста рассказа Горького «Дед Архип и Лёнька» дает некую свободу интерпретации как сюжета, образов персонажей, так и деталей, которые обогащают смысл и сюжета, и образной системы в целом. Имплицитный взгляд отражает «многослойность» смыслов рассказа. Эти смыслы позволяют взглянуть на него не просто как на рассказ о босяках, которых голод 1890-х гг. гонит из России на юг (в южные губернии), но как отражение, по нашему мнению, основной темы или концепта текста – «*греховности во имя детей*». Ставший со временем доминантной в художественном сознании Горького вплоть до последних его произведений таких, как «Васса Железнова» (2-я ред.) 1936 года.

В начале творческого пути эта тема предстает как тема, связанная с «босячеством». Сам Горький испытал тяготы странствия по Руси, он видел, как бродили по просторам русской земли ватаги слепцов-нищих, босяков – людей, которые по воле случая потеряли все, обнищали и опустились. Они странствовали по просторам России в одиночку или «артельно». Так, в артелях слепцов-нищих были особые нравы и правила, калеки зависели от детей-поводырей. Слепцы добывали себе пропитание обычно пением духовных стихов. Их репертуар был довольно обширным, они знали стихи на все церковные праздники, поэтому в городах и селах такие певцы пользовались уважением. Часто притесняемые, дети-поводыри иногда вымещали свои обиды на стариках-слепцах: так, например, когда шли по безлюдной местности, то пели «Лазаря» или «Алексея-божия человека», а когда шли по деревне, поводыри говорили: полем идем, и слепцы пели «мирские содомские песни», за что их гнали из села. Нищие, слепцы, погорельцы разносили в разные места своеобразный «региональный репертуар», создавали произведения, в которых отразили свои этические представления и эстетические вкусы. В своих песнях, рассказах использовали жизненные ситуации, в которые они попадали:

*Полноте, старые бродяги,
Горе горевать!
Пришла зима и морозы –
Мы ришаемся гулять.
Трудно, трудно нам, бродягам,
Нам под рощицей стоять... [5]*

Согласно сюжету рассказа Горького дед Архип и Лёнька, расположившись на берегу Кубани, дожидались парома. Так начинается рассказ. Герои еще находятся «в России», а впереди Кубань – житница России. Им виделся «тот берег», та местность, где можно было найти немного хлеба. Но Горький намеренно изображает ситуацию как некий мираж, как некое заманчивое видение героев. Так возникает символика «Земли обетованной», где всё есть, где бу-

дет недостаток. Символично соединение чистого и спокойного Неба и Реки. Однако в реальности это усиливает обманчивость и зыбкость «того берега». Безмолвие и призрачность создают особую атмосферу, предвещавшую отнюдь не сытое будущее, а какие-то трагические события. *«Кроме его кашля да тихого шороха волн о песок, в степи не было никаких звуков... Она лежала по обе стороны реки, громадная, бурая, сожжённая солнцем, и только там, далеко на горизонте, еле видимое старческим глазом, пышно волновалось золотое море пшеницы и прямо в него падало ослепительно яркое небо. На нём вырисовывались три стройные фигуры далёких тополей; казалось, что они то уменьшаются, то становятся выше, а небо и пшеница, накрытая им, колеблются, поднимаясь и опускаясь. И вдруг всё скрывалось за блестящей, серебряной пеленой степного марева...»* [2,1,143]. Так возникает предчувствие скорой смерти деда Архипа. Такое предчувствие усиливается и образом реки. Горький даёт символическую картину степи, дороги и реки – реки времени, реки Стикса, через которую перевозят души идущих в другой мир, мир умерших. Также возникает образ «огненной реки» – границы между Раем и Адом.

*«Дед, приподняв на локте голову, смотрел на противоположный берег, залитый солнцем и бедно окаймлённый редкими кустами ивняка; из кустов высовывался чёрный борт парома. Там было скучно и пусто. Серая полоса дороги уходила от реки в глубь степи; она была как-то **беспощадно пряма, суха и наводила уныние**»* [Выделено мной – В. П.] [2, 1, 142] В народной традиции, в духовных стихах дорога всегда представляется как дорога в загробный мир, однако и там есть две дороги в Ад или в Рай:

*Тут две дороги,
Долги и широки.
По тем дорогам
Много люди пойдут.
Моя-то дорога
Во власти у Бога:
Куда мне Бог восхощет,
Туда меня и пошлет... [5, 280]*

Дед и Лёнька на берегу видятся как два маленьких «жалких комочка». Горький постоянно меняет субъекта наблюдения: то это дед, то это – автор или Кто-то другой. Так возникает вопрос о том, кто же видит их: автор или кто-то, кому введомы жизнь людей на земле? Этот Кто-то замечает даже маленькие пылинки, песчинки, для Него нет времени, Он перемещает эти «пылинки» в пространстве и времени. Символика земли как пыли и праха в рассказе усиливает ощущение бренности человека. Горький своеобразно иллюстрирует изречение Создателя *«в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, ибо прах ты и в прах возвратишься»* [Бытие, III, 19]. Фигурки нищего старика и ребёнка на огромном пространстве степи кажутся комочками, песчинками, недаром Лёнька и дед заговаривают о том, что все на земле *«... пыль всё... и города, и люди, и мы с тобой — пыль одна.* [2, 1,145]

В связи с мыслями о бренности жизни, о смерти, Горький развивает и мысль об ответственности деда перед внуком. Психология деда, как единственного, кто может поддержать Лёньку, отражает не страх перед самой смертью, а страх за будущее его внука: «Он чувствовал, что скоро умрёт, и хотя относился к этому совершенно равнодушно, без дум, как к необходимой повинности, но ему бы хотелось умереть далеко, не здесь, а на родине, и ещё его сильно смущала мысль о внуке... Куда денется Лёнька?» [2, 1, 143] Горький находит очень точные определения в понимании смерти дедом: «необходимая повинность». Что это – обязанность перед кем-то, или всё-таки «**по-винность**», виновность в чем-то перед кем-либо? На наш взгляд, это последнее, именно виновность перед Лёнькой. И этот мотив будет развёрнут в дальнейшем повествовании.

Мир беспощаден к падшим, к обездоленным. Сострадания к ним, по мысли Горького, носят притворный характер и стремление показать бездушные людей в разных проявлениях – одна из важнейших художественных доминант творчества Горького. Дед Архип, проживший и выдавший многое, сам не безгрешный, понимает «мир» и чувствует вину перед Лёнькой. – *Вот я тебя и спрашиваю, что ты станешь делать с миром? Ты – хилый ребёночек, а мир-то – зверь. И проглотит он тебя сразу. А я не хочу этого... Люблю ведь я тебя, дитятко!.. Один ты у меня, и я у тебя один... Как же я буду умирать-то? Невозможно мне умереть, а ты чтоб остался... На кого?.. Господи!.. за что ты не возлюбил раба твоего?! Жить мне невмочь и умирать мне нельзя, потому – дитё, – оберечь должен. Пестовал семь годов... на руках моих... старых... Господи, помоги мне!..* [2, 1, 146] Но обращение к Господу не находит отклика, это подчеркивает Горький. «*Река торопливо катилась вдаль, звучно плескалась о берег, точно желая заглушить этим плеском рыдания старика. Ярко улыбалось безоблачное небо* [Выделено мной – В. П.], *изливая жгучий зной, спокойно слушая мятежный шум мутных волн.* [2, 1, 146]

Казак Андрей Черный помогает им на пароме и везет на арбе нищих в станицу. Имя Андрей порождает ассоциации с апостолом Андреем Первозванным, который на Руси являлся покровителем моряков, поэтому часто в духовных стихах он тоже перевозит души умерших через огненную реку.

*Тут спроговорил Михайло-свет архангел:
«Уж вы гой еси, Ондрей ты Первозванной!
Уж и рой-ко-сь грешных в огненну реку,
Ты заваливай их пеньём, камёнём,
Призадергивай решеткиamy железныма,
Чтоб не слышать было писку-вереску!»* [5, 334]

Казак затянул песню. Пел он странными звуками, отрывая ноты в середине и доканчивая их свистом. Казалось, он развивает звуки с клубка, как нитки, и, когда ему встречается узел, обрывает их. [2, 1, 149] Звуковые ассоциации относят нас еще к одному мифологическому сюжету: греческие богини судьбы Мойры (римские Парки), которые прядут нити судьбы и поют песни.

Войдя в станицу, дед и Лёнька думают о разном: дед о том, что можно много насобирать, а Лёнька – о том, что *«нужно будет гнусавым голосом петь под окнами: «Господи, Иисусе Христе»* [2, 1,149]. На наш взгляд, Горький находит символический ход развития действия: пока дед собирает и совершает греховный поступок – крадет платок и кинжал, Лёнька спит сном праведника, и только детский плач будит мальчика. Мальчика дед называет *«голубь»*, и это тоже символично: в народных представлениях голубь отражает чистоту, непорочность, это любимая птица Бога. [4]

Дед вынужден все время хитрить. Только изворотливость старика спасают их от гнева станичников, но это событие рождает у Лёньки воспоминания о прошлых *«шалостях»* деда. *«Лёнька упорно смотрел на деда и, видя, что у него трясутся губы и голова и что он, боязливо озираясь вокруг себя, быстро шарит у себя за пазухой, чувствовал, что дед опять нашалил чего-то, как и тогда в Тамани. Ему стало боязно, когда он представил себе таманскую историю.»* [2, 1, 155–156]

Психологическая напряженность мальчика, усугубленная долгой дорогой, жарой, встречей с плачущей девочкой, необходимостью прятать украденные вещи, страхом за деда перед судом станичников, надломил Лёньку. *«Лёнька чувствовал, что все эти звуки точно бьют его по голове, и ему стало так страшно, что он потерял сознание, вдруг точно нырнув в какую-то чёрную яму, раскрывшую перед ним бездонный зев.»* [2, 1, 157] Дальнейшие действия его совершаются словно во сне, в бреду. И *«вдруг из одного окна звонко раздаётся: «Воришки! Воришки! Воришка, ворёнок!..»*, возникшая тема усиливается криком Лёньки: – *Вор ты старый!.. У-у!* Здесь Горький намеренно изображает Лёньку как некоего сказочного героя, который пытается защитить маленькую девочку от деда-Кашея Бессмертного, однако, эта защита-нападение. *«Молчи уж ты! Умер бы, умер бы... А не умираешь вот... Воруешь!.. – взвизнул Лёнька и вдруг, весь дрожа, вскочил на ноги. – Вор ты старый!.. У-у! – И, сжав маленький, сухой кулачок, он потряс им перед носом внезапно замолкшего деда и снова грузно опустился на землю, продолжая сквозь зубы: – У дити украл... Ах, хорошо!.. Старый, а туда же... Не будет тебе на том свете прощенья за это!..»* [2, 1, 159–160] Горький психологически точно показывает, что эти брошенные обличительные слова Лёньки в адрес деда, рождаются как некая внутренняя вспышка. Вслед за этим писатель изображается разгул стихии: буря, гром и молнии.

Осмысление дедом своих поступков усиливается еще и тем, что нищие хорошо знали духовные стихи, в которых большое место занимали стихи о праведниках и грешниках, о Страшном Суде. Тема Страшного Суда в сознании простых людей была всегда неким центром народного христианства. Не только в канонических текстах молитв, святоотеческих произведениях, но чаще всего в фольклоре тема Страшного Суда развертывалась в яркие, запоминающиеся картины. Говоря о духовных стихах, Г. П. Федотов очень точно заметил, что в них *«мы находим данный в мельчайших подробностях моральный кодекс*

народа.» [8] В ортодоксальном христианстве, как и в народном православии, осуждались различные грехи, которые могли привести людей в Ад.

В народных духовных стихах всегда рассказывалось о самых тяжких грехах, и о тех муках, которые получают грешники за определенные прегрешения. Однако чаще всего грешники горели в огненной реке. Например:

*Будет мука вечная,
И тьма кромешняя,
И пламя неугосимое!* [5]

Кража в народной традиции является также грехом. Но кража связана с ритуалом вызывания дождя, при вызывании дождя особое место занимают краденые предметы. [7] В этом плане символичны те вещи, которые украл дед: голубой с цветами платок и кинжал: их можно трактовать как покров и крест. Поэтому Горький не просто отражает гнев природы на воровство тем, что идет дождь, гремит гром, вспыхивают молнии. По народным верованиям гром-молния преследует дьявола, который может прятаться в дереве или под деревом. У Горького: *«Лёнька крестился. Дед сидел неподвижно и молча, точно он сросся с стволом дерева, к которому прислонился спиной [...] Пусть меня, старого пса, вора... здесь дождь потопит... и гром убьёт!.. – задыхаясь, говорил дед. [2, 1, 160] И дальше страх, нагнетаемый не только природной стихией дождя и грома, но уже страх за деда, рождает чувство сострадания у мальчика. – «Дедушка!.. прости!.. – придвигаясь к нему, взмолился Лёнька.» [2, 1, 161]*

Горький раскрывает в словах деда суть вины, греховности, во имя чего старик воровал, грешил. Он как бы бросает взор на Бога, в его словах, обращенных к Лёньке и к Богу, звучит и вызов, и смирение, и покорность, и принятие наказания. – *«Не пойду... Не прощу... Семь лет я тебя нянчил!.. Всё для тебя... и жил... для тебя. Рази мне надо что?.. Умираю ведь я... Умираю... а ты говоришь – вор... Для чего вор? Для тебя... для тебя это всё... Вот возьми... возьми... бери... На жизнь твою... на всю... копил... ну и воровал... Бог видит всё... Он знает... что воровал... знает... Он меня накажет. О-он не помилует меня, старого пса... за воровство. И наказал уж... Господи! наказал ты меня!.. а? наказал?.. Рукой ребёнка убил ты меня!.. Верно, господи! Правильно!.. Справедлив ты, господи!.. Пошли по душу мою... Ох!..» [2, 1, 161]* Дед Архип во время дождя прижимает мальчика, как бы стараясь, не потерять его, ибо – Лёнька – тот, во имя кого и живет старик, ребенок держит его на грешной земле, не отпускающий его на покаяние. Употребление слова «старый пёс» дедом в отношении себя отсылает нас к трактовке «пса» как субъекта матерной брани, а также к библейскому значению слова, которое означало: «нечестивый человек». Как отмечал Б. А. Успенский: *«для нас существенно во всяком случае представление о НЕЧИСТОТЕ ПСА, которое имеет очень древние корни и выходит далеко за пределы славянской мифологии. Это представление о нечистоте, скверности пса очень отчетливо выражено, между прочим, в христианском культе: пес как нечистое животное эксплицитно противопоставлен святыне (ср. евангельское: «не дадите*

свята псам» – (Матф. VII, 6) и, соответственно, оскверняет святыню.» [8] Ещё Горький сравнивает деда и с волком, попавшим в капкан. Этот образ также символичен, так как в народных легендах происхождение волка связывается с землей, глиной, грязью, что отсылает нас к началу рассказа, когда дед и мальчик рассуждают о земле и пыли. В некоторых заговорах волк связывается с умершими, он бывает у них на том свете. [3]

В эпизоде грозы рассказ достигает своей кульминации. Для Горького «буря, гроза» – это некий литературный прием, «литературное клише», отражающее психологическое состояние героев. Для читателей – это «литературное» слово, которое «одновременно и отсылка к культурной традиции, – пишет Р.Барт, – и реализация риторической модели, оно содержит намеренную смысловую неоднозначность и в то же время является простой денотативной единицей; оно обладает пространственной глубиной, и в этом-то пространстве работает...» [1]

На следующий день, когда нашли деда, он, уже потеряв речь, подсознательно искал глазами, как бы спрашивая станичников, где Лёнька. «А через два или три дня нашёлся Лёнька. Над одной степной балкой, недалеко от станицы, стали кружиться стаи ворон, и когда пошли посмотреть туда, нашли мальчика, который лежал, раскинув руки и лицом вниз, в жидкой грязи, оставшейся после дождя на дне балки.» [2, 1, 163] Эта картина – символ распятия, где ребенок принял мучительную смерть, за обличение греховности деда. Возможна и еще одна трактовка смерти Лёньки. По народным поверьям после смерти родителей сын, дочь, внук могут молить, просить Бога или Богородицу об их помиловании как бы ни были они греховны.

Мифопоэтический и религиозно-философский подтекст рассмотренного нами рассказа Горького – свидетельство глубокого и искреннего желания молодого писателя понять и по-своему художественно запечатлеть эту «чашу жизни», чашу человеческих мук, грехов, страданий и боли. Ранний Горький даёт тем самым и некий ключ для понимания многих его произведений 1920–1930-х гг.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- [1] БАРТ, Р. (1994): От науки к литературе. In: Р. Барт: *Избранные работы: Семиотика. Поэтика.* М., с. 378.
- [2] ГОРЬКИЙ, М. (1949): *Собрание сочинений в 30 т.* Т. 1. М., с. 365.
- [3] ГУРА, А. В. (1995): Волк. In: Н. И. Толстой (ред.): *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* Т. 1. М., с. 411–418.
- [4] ГУРА, А. В. (1995): Голубь. In: Н. И. Толстой (ред.): *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* Т. 1. М., с. 515–517.
- [5] *Народные духовные стихи.* М., 2004, с. 314, 325.
- [6] *Собрание народных песен П. В. Киреевского.* Л.: 1979. Т. 2, № 280.
- [7] Кража, воровство – в народной морали греховное, «нечистое» дело, наказываемое как общественно, так и высшими силами; в обрядовой практике – магический прием, применяемый во многих ритуалах охранительного и продуцирующего характера. См.: ТОЛСТАЯ, С. М. (1999): Кража. In: Н. И. Толстой (ред.): *Славянские древности. Этнолингвистический словарь.* Т. 2. М., с. 640.
- [8] УСПЕНСКИЙ, Б. А. (1994): Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. In: Б. А. Успенский: *Избранные труды.* Т. 2. Язык и культура. М., с. 92.

ОЛДРЖИХ РИХТЕРЕК

Чехия, Градец-Кралове

«СТИХОТВОРЕНИЯ ЮРИЯ ЖИВАГО» ИЗ РОМАНА Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» В ЧЕШСКОМ ПЕРЕВОДЕ

АБСТРАКТ:

The paper aims at presenting principal evaluation of the Czech translation of the verses in the well-known novel *Doctor Zhivago* by Boris Pasternak. Besides the general aspects of evaluation of the work, the author discusses several problems of stylistic and semantic equivalence of the two existing Czech translations of these lines, in particular with regard to the translational transfer of the elements of their universal ambivalence into the setting of other cultural (in this case Czech) reception.

KEY WORDS:

Boris Pasternak – Poems by Yury Zhivago – aspects of Czech.

1. Всемирно известный роман русского поэта, прозаика и талантливого переводчика Бориса Пастернака «Доктор Живаго» уже больше, чем полвека, привлекает интерес читателей, литературоведов и интерпретаторов многих стран мира. Интерес вызывают и так наз. «Стихотворения Юрия Живаго», представляющие собой, с одной стороны, самостоятельную «главу-приложение» романа (так наз. «Семнадцатая глава»), создающие, однако, с другой стороны, своеобразный авторский «pendant» всего произведения, поражающий глубиной бесконечного человеческого поиска. Художественная и общечеловеческая сила данных стихотворений вытекает не только из «душевной исповеди» автора, но и из симптоматичного «мышления сердцем», в котором доминантную роль играет мастерство лирического и эмоционального художественного выражения. [Mikulášek 2001: 445] Именно поэтому «Стихотворения Юрия Живаго» представляют собой семантически «насыщенную» исповедь главного героя произведения (т.е. Юрия Живаго), мастерски переплетенную автобиографическим опытом самого поэта Пастернака. Благодаря этому роман дополняется сгущенным, конденсированным образом-воплощением сложной и тра-

гической судьбы России и всего человечества в период первой половины 20-го века.

1.1. Медитативный характер отдельных стихотворений, укрепленный своеобразным мастерством метафоры и ассоциативности (т.е. симптоматичными составными частями поэтики Пастернака поэта и прозаика), придает этой части романа характер сверхвременного «послания». Кажется, именно поэтому «Стихотворения Юрия Живаго» нередко публикуются самостоятельно [Pasternak 1959; Пастернак 2009], теряя, таким образом, непосредственную связь с горькой судьбой одноимённого героя романа и естественно дополняя общее завещание Пастернака-поэта. На чешском языке «Стихотворения Юрия Живаго» появились (в связи с политическим запретом, вызванным выпуском романа «Доктор Живаго» в 1957 г. в итальянском издательстве Г. Фельтринелли в г. Милано) сначала в зарубежном эмигрантском издании [Pasternak 1959], всего два года спустя после выхода в свет – в переводе чешского поэта, прозаика, эссеиста и журналиста Иржи Ковтуна. Переводы Ковтуна применялись и в последних чешских изданиях всего романа, дополняемые, однако, переводами некоторых «стихотворений» Юрия Живаго, автором которых являлся опытный и, можно сказать, первоклассный переводчик и знаток русской литературы, поэт Ян Забрана.¹ Существование двух качественных переводческих интерпретаций, двух осведомлённых подходов к художественному и общечеловеческому завещанию, являющемуся неотделимой составной частью всего художественного творчества Бориса Пастернака, предлагает нам возможность сравнения, так как наличие двух (с точки зрения времени почти синхронных) восприятий поэтического мира переводимого поэта способствует более глубокому проникновению в семантическое пространство инокультурного художественного произведения. [Richterek 1999: 115]

1.2. Напрашивается, конечно, и подход к анализу данных стихотворений без учета их непосредственной тесной связи с романом, подход как к самостоятельному художественному произведению, тем более, что сдвиги временных контекстов (т.е. контекст эпохи возникновения романа и стихов и контекст современной рецепции пастернаковского артефакта) усиливают заметным способом своеобразное наличие „samodanosti“ (т.е. «самоданности») исходного художественного высказывания² и способность читателя охватить «в неожиданной перспективе покорность перед всем миром», способность «увидения» окружающей нас действительности в неожиданной для нас перспективе [Svatoň 2008: 204]. Именно подобный подход к осуждаемым пастернаковским стихотворениям обеспечивает, на мой взгляд, не только их «перерастание» рамок романа, с которым они по праву связаны, но и «перерастание» рамок русского времен-

¹ Забрана является одновременно переводчиком всей прозаической части романа.

² Своеобразное значение „samodanosti“ (термин известного представителя феноменологии Эдмунда Гуссерля ввел в чешскую интерпретацию художественного текста известный теоретик З. Матхаузер [Mathauser 1995: 24]) выдвигает, например, В. Сватоň, предупреждая, что в отличие от формалистского (В. Шкловский) «обособления» в нем решающую роль играет более доминантное присутствие значения силы исповеди самого текста. [Svatoň 2008: 204]

ного контекста их зарождения, значит, способствует нашему умению видеть «зримое» и «незримое» в поэтическом завещании Пастернака и в начале 21-ого века.³

2. Генезис «Стихотворений Юрия Живаго» нередко связывают с жизнью самого Пастернака и, в связи с этим, именно с этапом его работы над переводами драм В. Шекспира. [Борисов 2009] Особенно перевод драмы «Гамлет» стал для него своеобразной «скорлупой», в которую поэт прятался во второй половине сороковых годов прошлого века. [Борисов 2009] Не случайно, на мой взгляд, стихотворение «Гамлет» находится на первом месте сборника «Стихотворений Ю. Живаго» – заключительной главы романа. Гамлет, воплощающий в себе кризис отдельной человеческой личности в контрастном сопоставлении с одновременным кризисом всех общественных достоинств, перешагивает своей судьбой и своим горьким жизненным поиском пути из всеобщего общественного и нравственного хаоса фиктивные границы переломной эпохи ренессанса (т.е. времени написания произведения) и становится своими мыслями и душевным страданием для поэта (разумеется, и читателя его стихов – много десятилетий спустя), более или менее, символическим выражением его (их) личных поисков и страданий. Скептические предчувствия Пастернака, связанные с будущим, лучше всего выражают слова, напоминающие мучительные предчувствия Иисуса Христа в Гефсиманском саду: «*Если только можно, Авва Отче, / Чашу эту мимо пронеси.*»; или последних два стиха: «*Я один, все тонет в фарисействе. / Жизнь прожить – не поле перейти.*»⁴ Данные стихи чешскому переводчику Я. Заброне удалось перевести с адекватным, даже стилистически и семантически Пастернаку соответствующим мастерством: *Abba, otče, tento hořký kalich / aspoň dnes odejmi ode mne i Jsem sám, vše tone v bahně farizejství. / Život – to není přejít přes pole.* [Pasternak 2002: 502]⁵ Свою роль, конечно, играют общеизвестность христианских традиций обеих культур (русской и чешской) и перманентное (часто незамечаемое, однако, этим культурам понятное) присутствие библейской идиоматики в них.

2.1. В связи с этим следует отметить, что библейская и христианская тематика занимает вообще важное место в анализируемых стихах Пастернака.⁶ Сравним, например, отрывок из стихотворения «На страстной»: *И лес раздет и непокрыт, / И на Страстях Христовых, / Как строй молящихся, стоит / Толпой стволов сосновых.* Предельно простой язык русского поэта, предлагающий читателю образ русской природы, наделен на самом деле богатой ассоциативностью, прячущейся имплицитно в роковом образе библейских «Стра-

³ К сложной проблематике «дешифрирования», «декодирования» художественного текста обращался, например, Mathauser. [Mathauser 1999: 63]

⁴ Все применяемые в работе примеры стихов Б. Пастернака избраны по электронному адресу: <http://www.teencity.ru/doc/?pastern2> – от 27.03. 2009.

⁵ Все следующие примеры чешских переводов отдельных «Стихотворений Юрия Живаго» избраны из упомянутого издания и ссылки на отдельные страницы приводятся мной в скобках прямо в тексте настоящей работы.

⁶ Достаточно привести названия хотя бы нескольких следующих стихотворений: «На страстной», «Рождественская звезда», «Чудо», «Дурные дни», «Магдалина» или «Гефсиманский сад».

стей Господних». Несмотря на то, что суть подтекста метафорического сравнения в данной строфе чешскому читателю понятна, однако семантические размеры образа и, прежде всего, «масштабность» затаённой в подтексте русской действительности обнаруживаются в удачном переводе Ковтуна с некоторым семантическим и стилистическим сдвигом: *Les stojí vysulečen a nah/ při Utrpení Páně/ a větve v modlitbách/ spínají suché dlaně.* (504)⁷

Иногда, однако, Ковтуну не удается соблюсти симптоматичный лаконизм, заключающий в себе полифоническую глубину амбивалентности исходных русских стихов. В качестве примера можем привести отрывок из стихотворения «Рождественская звезда», сила художественного послания которого тоже основана на библейских мотивах: *Стояла зима./ Дул ветер из степи./ И холодно было младенцу в вертепе/ На склоне холма.// Его согривало дыханье вола./ Домашние звери/ Стояли в пещере./ Над яслями теплая дымка плыла.* Чешский перевод Ковтуна приобрел, благодаря чрезмерной лексической конкретизации сжатого и амбивалентного образа и благодаря повышенной экспрессивности разговорных выражений, семантический оттенок деревенской идиллии: *Zima byla./ Větry, které ze stepi se nesly,/ provívaly žebřinami jeslí./ Dítěti se líčka ojnčila.// Hřál je vlažně dýchající vůl./ Oslí hýkali,/ v teplé maštali/ opar dechu nad jeslemi plul.* (523)⁸

3. Однако более заметное место в анализируемых произведениях занимают стихи, в которых присутствуют, на первый взгляд, простые, но, на самом деле, ассоциативно многозначные образы русской природы и образы взаимоотношений между лирическим героем (т.е. Юрием Живаго или самим автором) и любимой женой. Именно они – в тонком симбиозе с упомянутым выше «библейским контекстом» – становятся основным «катализатором» авторской презентации лирической исповеди об окружающем нас мире и внутренних страданиях Живаго, Пастернака и, конечно, нас всех в нем.

Лирические высказывания произведений Б. Пастернака проникнуты исконно русскими традициями, сочетающимися с лиризмом и необъятностью русской макроразмерной природы; чешское восприятие окружающей действительности камерно и пространственно ограничено. Все эти факторы накладывают отпечаток на перевод и могут вызвать у читателей определенные сдвиги в области интенсивности переживаний и меры экспрессивности выражения переведенного образа. Сравним, например, хотя бы перевод одной строфы из стихотворения «Белая ночь», в котором описано единение человека с природой поздней весной в северной части России⁹: *Ошалелое щелканье катится./ Голос маленькой птички ледящей/ Пробуждает восторг и сумятицу/ В глу-*

⁷ Пастернаковскую естественность выражения в переводе И. Ковтуна собственно нарушает краткая форма прилагательного «nah», которую можем в современном чешском языке считать уже неподходящим книжным архаизмом.

⁸ Я имею в виду, прежде всего, конкретизации типа *provívaly žebřinami jeslí, oslí hýkali,/ v teplé maštali* или субституцию простого выражения *над яслями теплая дымка плыла* более витиеватой конструкцией *opar dechu nad jeslemi plul*.

⁹ Значит, симптом «белых ночей» нельзя соединять традиционно только с атмосферой весеннего Санкт-Петербурга.

бине очарованной чащи. В переводе появляются не только субституционные семантические сдвиги (например, «ледащая, маленькая птичка» соловей заменяется „slavíkem nehezkým“ или «глубина очарованной чащи», в которой пение этого соловья «пробуждает восторг и сумятицу», субституирована „dnem okouzlené soutěsky“, где „se probouzí zmatek rána, rozkoš žití“: *Ten příval zpěvu! Slavík nehezký/ rozpoutal útlým hlasem vlnobití/ a na dně okouzlené soutěsky/ probouzí zmatek rána, rozkoš žití.* (506) Тонкие нюансы подобранных Пастернаком деталей, воплощающих признаки глубинных переживаний человеческой души, раздробляются в чешском переводном метатексте в более дешёвую и первоплановую экспрессивность.

3.1. Забрана в своих переводах чаще предпочитает конкретному субституционному дроблению пастернаковской сжатости более общие и более полисемантические образы, предлагающие (именно с точки зрения читательской эмпатии и последовательного адекватного эмоционального переживания) чешскому читателю почти эквивалентные возможности, как русский оригинал. Сравним – в качестве примера – отрывок из стихотворения «Объяснение», насыщенный пастернаковским тонким лиризмом, описывающий вечное чудо любви с ее вариантами очарования и разочарования: *А я пред чудом женских рук,/ Спины, и плеч, и шеи/ И так с привязанностью слуг/ Весь век благоговейю./ Но как ни сковывает ночь/ Меня кольцом тоскливым,/ Сильней на свете тяга прочь/ И манит страсть к разрывам.* И в переводе Забраны создана естественно эквивалентная атмосфера: *Na kouzlo dlaní jsem si zvyk/ a ramen, zad a šíje také./ Ženských krás věčný služebník/ chvěju se jako před zázrakem./ Ať uhrane mě do svých pout/ noc teskná jako oko hadí –/ něco vždy nutí uprchnout/ a vášeň k rozchodům vždy svádí.* (507–508) Конечно, в тексте появляются субституционные сдвиги (оригинальное «благоговение» перед чудом женской красоты заменено „chvěním před zázrakem“ последней, или «тоскливое кольцо ночи» конкретизировано деталью „oka hadího“). В результате, однако получаются прекрасные стихи, тонкие лирические нюансы которых достойны адекватной трансформации поэзии великого русского поэта, стихи, соответствующие «par excellence» диапазону его лирики.

4. Маргинальное примечание, посвященное чешским переводам «Стихотворений Юрия Живаго» ни в коем случае не может раскрыть всю глубину семантических – жизненных и общечеловеческих – проблем, скрытых в стихах Бориса Пастернака и почти детективным образом раскрываемых в процессе чешского перевода. Цель настоящей краткой статьи заключалась в том, чтобы только обратить внимание на эту часть творчества русского поэта, неотделимую от истории 20-го века и постоянно сопряженную с мучительным поиском смысла жизни. Оба упомянутых чешских перевода (разумеется, каждый по своему) внесли, на мой взгляд, свой ценный вклад в процесс чешской рецепции намеченного художественного и человеческого завещания Бориса Пастернака. Одновременно они показали великое значение адекватного отбора слов при переводческом «перестилизовании» подлинной семантики и поэтики переводимого произведения при помощи языковых средств принимающей

культуры.¹⁰ Особенно важную роль, по моему мнению, играет субституционный подбор более «конкретных» слов, приближающих фиктивно точно трансформированный образ оригинала иностранному читателю-реципиенту, но нарушающих ему, к сожалению, сверхвременные возможности эквивалентной читательской конкретизации этого образа и коннотационно связанных с ним возможных ассоциаций. Объективную оценку обоих (профессионально качественных) чешских переводов «Стихотворений Юрия Живаго» можем поэтому отнести к проблеме соблюдения «сверхвременной меры» пастернаковской «амбивалентности» выражения, гарантирующей стихам этого великого русского и мирового поэта читательский интерес в меняющихся временных и инокультурных контекстах.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БОРИСОВ, В. М. (2009): *Река, распахнутая настужь К творческой истории романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго»*. In: URL: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/borisov-reka.htm> (от 29.05. 2009).
- LEVÝ, J. (1963): *Umění překladau*. Praha: Československý spisovatel.
- MATHAUSER, Z. (1995): *Mezi filosofií a poezií*. Praha: Filosofia.
- MATHAUSER, Z. (1999): *Estetika racionálního zření*. Praha: Karolinum.
- MIKULÁŠEK, M. (2001): Pasternak Boris. In: I. Pospíšil a kol.: *Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů*. Praha: LIBRI. С. 452–455.
- PASTERNAK, B. (2003): *Doktor Živago*. Praha: Odeon.
- PASTERNAK, B. L. (1959): *Básně doktora Živaga*. Přel. Jiří Kovtun. New York: Svědectví.
- ПАСТЕРНАК, Б. Л.: *Стихотворения Юрия Живаго*. In: URL: <http://www.knigica.ru/poetry1983.html> (от 14.08. 2009)
- RICHTEREC, O. (1999): *Dialog kultur v uměleckém překladau. Příspěvek k česko-ruským kulturním vztahům*. Hradec Králové: PdF VŠP.
- SVATOŇ, V. (2008): *Mezi dvěma polohami vědomí. Nad pracemi Zdeňka Mathausera*. In: *Svět literatury* 37. Praha: FF UK, s. 201–213.

---

¹⁰ На данную проблему обратил внимание еще известный чешский теоретик художественного перевода И. Левы. [Levý 1963: 46 и сл.]

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СНИГИРЕВ

Россия, Екатеринбург

ФЕНОМЕН ДМИТРИЯ GOBLINA ПУЧКОВА: АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПЕРЕВОД

ABSTRACT:

The article focuses on the phenomenon of alternative translation of the Peter Jackson's film trilogy "The Lord of the Rings" by Dmitry 'Goblin' Puchkov. Methods of adapting the oeuvre for the Russian viewer are being analyzed based on specific examples.

KEY WORDS:

Translation – alternative translation – adaptation principles – mass culture.

Эпопея Дж. Р. Р.Толкиена «Властелин колец» – классический, а для многих читателей и культовый текст XX века. Данная книга во многом (наряду с текстами Р. И. Говарда) определила канон жанра фэнтези. И большинство авторов, работавших и работающих в этом направлении массовой литературы, так или иначе ориентируются на предложенные Толкиеном принципы создания вымышленного мира, центральный конфликт и основные мотивы текста.

В настоящее время существует большое количество прочтений данной книги как научных, так и художественных (продолжений и пародий). Для российского читателя «Властелин колец» также бытует прежде всего в интерпретации переводчиков – как в классических, например, перевод В. Муравьева и А. Кистяковского (М., изд. «Радуга», 1988–1992 гг.) или перевод З. Бобырь (М., СП Интерпринт, 1990), так и нетрадиционных (например, перевод В. Волковского, Д. Афиногенова и В. Воседого (И., изд. АСТ, 2003 г.), когда привычное «Содружество кольца» (или «Хранители») вдруг превратилось в «Дружество»). Безусловно, были осуществлены и кинематографические версии прочтения данного текста – это и полнометражный мультфильм «Хоббит» Артура Рэнкина и Жюля Бэсса (1977 г.), и «Возвращение короля» (телевизионная версия 1979 г., Рэнкин-Бэсс), «Властелин колец» Ральфа Бакши (1978 г.) и, безусловно, трилогия Питера Джексона. Последнее – прочтение текста английского профессора через призму законченного воплощения американской массо-

вой культуры – Голливуда. Киноэпопея «Властелин колец» создана по всем законам современной именно американской массовой культуры и мыслилась изначально создателями как произведение, рассчитанное на внимание огромной аудитории. Фильм должен был стать наиболее «продаваемым» зрелищем начала XXI века. Однако аудитория восприняла фильм далеко неоднозначно. И на то, по нашему мнению, есть по крайней мере несколько причин:

1. Основным фактором выбора современным зрителем кинофильма для просмотра является прежде всего его «зрелищность», а не интересный сюжет или глубина поднятых нравственных проблем. Поэтому для среднего потребителя массовой культуры во «властелине колец» недоставало именно обилия ошеломляющих спецэффектов и динамики, как, например, в вышедшей почти одновременно на экраны трилогии «Матрицы» или «Пираты Карибского моря». Так же для данного типа зрителя в кинофильме присутствовало слишком много сложных философских и психологических моментов.

2. Собственно почитатели творчества Толкиена были разочарованы тем, насколько была упрощена авторская идея: эпическое произведение трансформировалось в фантастический боевик с элементами древней истории. Сценаристами была существенно усилена романтическая часть сюжета (линия Арвен – Арагорн), которая в оригинальном тексте присутствует «за кадром». Картину украсили масштабные батальные сцены, а поступки героев наоборот лишились психологической мотивации. Особенности американской массовой культуры нашли отражение в общей концепции произведения. Толкиен писал о маленьком существе – хоббите, волею судьбы попавшем под молот войны и взвалившем на себя ответственность за жизнь всех существ Средиземья. На экране же предстала эпохальная битва империй и королей и победа благодаря тому, что «мы все вместе идем под этим флагом». Даже цитирование в финале третьей части базового текста Толкиена (когда правители чествуют хоббитов как героев) не исправило впечатления. Выпуск «режиссерской версии» картины, где была усилена психологическая линия и добавлены некоторые ключевые моменты, принципиально меняющие восприятие сюжета, не примирил окончательно пуристов с таким прочтением текста Толкиена.

3. Третья причина не-тотального успеха картины – большой разрыв между частями трилогии (каждая следующая часть выпускалась на экраны ровно через один год после предыдущей). Непосвященный зритель (то есть не знакомый с книгой) покидал кинотеатр с чувством разочарования, так как у него создавалось впечатление, что он просмотрел кинофильм с «открытым финалом», против которых выступал апологет и во многом создатель американской массовой культуры Стивен Кинг, справедливо полагая, что среднему зрителю (читателю) необходима завершенная история, в которой обязателен «happy end».

На этой волне выход авторского перевода данного фильма «от Гоблина», осуществленного Дмитрием Пучковым, коренным образом изменил ситуацию. Фильм «Братва и кольцо» стал популярным не только среди ценителей и читателей текста Толкиена, но и других реципиентов, отличающихся от пер-

вых по многим параметрам – интеллектуальным, социальным. Адресат этой версии уже не «студент-госслужащий с высшим образованием, интеллектуал», она уже рассчитана на более широкую аудиторию.

Позволим себе более подробно поговорить о принципах адаптации фильма (и, опосредованно, текста) «Властелина колец» для более широкого круга зрителей.

Для начала и для сравнения два фрагмента. Сперва – литературный перевод начала первого фильма трилогии, справа – тот же фрагмент, но уже в версии «Гоблина»:

Мир изменился... Я чувствую это в воде. Я чувствую это в земле. Ощущаю в воздухе. Много из того, что было – ушло. И не осталось тех, кто помнит об этом. Все началось с отливки Великих колец. Три были переданы эльфам – бессмертным созданиям. Самым мудрым и справедливым из всех живущих. Семь – отданы повелителям гномов – великим добытчикам самоцветов и мастеровых горных пещер. А девять, девять колец были переданы человеческому роду, который превьше всего жаждал власти. В этих кольцах была заключена сила власти над каждым из народов, но все они оказались обмануты, потому что было сделано еще одно кольцо.

В стране Мордор, в огне Роковой горы Темный властелин Саурон тайно создал Единое кольцо, подчинившее себе все другие. И в это кольцо он вложил всю жестокость, всю злобу, всю жажду власти над всем живущим. Одно кольцо, способное править над всеми. Одна за другой свободные земли Средиземья пали под властью кольца, но были и те, кто восстал против зла.

Мир изменился... Я чувствую это в воде. Я чувствую это в земле. Вот теперь и в воздухе что-то почувствовала. Много воды утекло, и тех, кто что-то помнил, давным-давно замочили.

Все началось тогда, когда были выкованы мега-кольца. Три пробных экземпляра выдали бессмертным эльфам – чисто для проверки, не передохнут ли. Потом дали семь штук коротышкам из подземных канализаций. И девять, девять колец задали расе людей, и, как показала практика, напрасно. Власть колец была ограничена – каждое кольцо правило своей расой, а потом нашелся умник и всех напарил. На Черной горе мрачный владыка Саурон тридцать лет и три года тайно мастерил Супер-мега-кольцо. И в это кольцо он засадил всю свою жестокость, злобу свою засадил, ну там привычки нехорошие. От такая вот загогулина! Все страшно перепугались, стали просить прощения. Кое-кто, правда, сопротивлялся.

Следует отметить, что в данном фрагменте Д. Пучков не заменяет оригинальный саундтрек, как он проделывает это в дальнейшем, но о данном приеме дальше.

При сравнении данных текстов обращает на себя внимание прежде всего установка переводчика на травестирирование, снижение исходного текста. И наполненная мистицизмом и таинственностью фраза о провидческом предчувствии оборачивается намеком на миазмы (*Мир изменился... Я чувствую это в воде. Я чувствую это в земле. Вот теперь и в воздухе что-то почувствовала.*), а «великие добытчики самоцветов и мастера горных пещер» – гномы – становятся «коротышками из подземных канализаций». Такое снижение прослеживается как на уровне травестирирования образов, так и «снижения» лексики, употребление просторечий и вульгаризмов «чисто для проверки – не передохнут ли», «девять колец задали расе людей» и т.д. Кроме

того, созданное на основе английского фольклора произведение обретает знакомые для русских сказок восприятие времени «тридцать лет и три года».

Далее Пучков успешно использует именно указанные приемы – работает с образной системой и лексическим полем текста, включает его в отечественный контекст.

Действительно, самый очевидный и простой вариант адаптации текста (в данном случае – текста перевода) – это включение в него элементов культурного контекста той страны, для которой текст переводится. Дмитрий Пучков активно использует цитаты из «классических» фильмов советской эпохи, как точно воспроизводя их (вплоть до интонации), или изменяя, оставляя узнаваемыми, используя разнообразные приемы языковой игры. Можно даже составить своеобразный «рейтинг цитирования», и первые позиции в нем будут занимать заимствования из «Места встречи изменить нельзя», «Семнадцать мгновений весны», «Двенадцати стульев», «Собачьего сердца», «Джентльменов удачи» и т.д. Соответствующие примеры: «*Довелось нам, Сеня, поручаться с самим Голым*» (видоизмененная фраза Глеба Жеглова из «Места встречи ...»), «*Я старый и больной, я три года не мылся в бане, меня девчонки не любят*» («Золотой теленок»), «*Инфаркт миокарда*» («Любовь и голуби»), «*А не хлопнуть ли нам по рюмашке?*» («Покровские ворота») и т.д.

Обращение к киноискусству объяснимо – ведь фильм «Братва и кольцо» создавался для зрителя, а не для читателя. За счет данного приема фильм включается в парадигму российского кинематографа, начинает восприниматься как «отечественный».

Следующий, столь же частотный прием, – это обращение к двум особым пластам лексики русского языка, характерным для уголовной и молодежной субкультур. Причем в последнее время молодежная культура по вполне объяснимым причинам (среди которых на первом месте – всеобщая криминализация страны) сближается с уголовной, что позволяет говорить о схожести лексического состава данных субкультур. Герои заговорили на знакомом и «родном» для большинства аудитории языке:

«*У Дьяболы понтов было много, а боец он никакой. Зарезал я его как свиню. Заработал много экспириенса и получил левел ап*» – эпизод битвы мага Гэндальфа с огненным демоном Барлогом. Пучков дает отсылку к компьютерной игре «Диаболо» и, употребляя узнаваемые для определенной аудитории название, переходит на понятную для любителей компьютерных игр (геймеров) лексику. Так, «заработать экспириенс» – повысить свой уровень боевых и интеллектуальных качеств. «Получить левел ап» (от англ. level up) – перейти в игре на следующий уровень развития персонажа. В результате этой схватки одержавший победу над мощным противником серый маг Гэндальф стал белым, то есть поднялся на более высокую ступень в иерархии колдунов. Отсылка именно к геймерской аудитории угадывается в таких выражениях, как «бесконечные патроны», «ковровое бомбометание» и т.д.

«*А колечко у него на кармане ...*», «*А случись что, кто будет забарывать зло?*», «*Саурана подрезали ...*», «*отсидел срок и откинулся ...*» и др. – мане-

ра выражений, принятая в уголовной среде, в данный момент широко употребляемая в молодежной среде.

«Опять вставило? Вставляет меня по-черному», «В траве разбираешься? Только в ганджубасе», «Атаман наш – Борис Николаевич – пьет без просыху» – тематика алкоголизма и травокурения и кодовые фразы потребителей «травки» так или иначе встречаются на протяжении всего фильма. Следует отметить, что в первых двух частях трилогии Пучков использовал шутки над алкогольной и наркозависимостью, это вызвало положительную реакцию у аудитории. Третья, неудачная часть трилогии включила откровенную чернуху, юмор «ниже пояса», по поводу нетрадиционной сексуальной ориентации и т.д. и вызвала резко отрицательную критику зрителей. Исторически сложилось, что пьянство для России не порок, смех на тему алкогольной зависимости и наркокурения (особенно в молодежной среде) воспринимается как шутки над собой. Порнография была воспринята как откровенная пошлость и неуважение к зрителю. То есть реципиент был поставлен в ситуацию, когда ему буквально предписывалось смеяться в момент глумления на щекотливые темы и тем самым понижать свой культурный и интеллектуальный уровень. Однако было бы несправедливо думать, что Пучков увлечен лишь подобной тематикой. Его волнуют и другие реалии современной жизни как, например, «Оранжевая революция» («Пан Юценко, выводите урок на Майдан»), взяточничество и коррупция («Купим мы тебе ботанические корочки ... сразу профессорские») и т.д.

«Галина бланка лучше Доширака: в нем химикалий нажористее», «Объяви распродажу, отдавай за полцены. Пенсионерам скидка ...» – Пучков цитирует известную широкому зрителю рекламу, тем самым продолжая «включать» свою версию «Властелина колец» в современный отечественный контекст.

В тексте встречается много просторечий, а также намеренное коверканье слов: «Я тебе взамен лошаdkов дам. У лошаdkов грузоподъемность больше, а жрут они меньше», «окушки в речке», «очень сильное колдунство», за счет чего текст фильма зачастую становится похожим на запись «живой речи города».

Безусловно, что одна из важных составляющих любого фильма – это саундтрек. Дмитрий Пучков почти полностью изменил звуковую дорожку «Властелина колец», использовав музыку и песни из отечественных кинолент и эстрадные хиты последних лет. Так, например, бег «хранителей» по подземельям Мории озвучен песней группы «Тату» «Нас не догонят», а преследование назгулами Арвен – песней «Погоня» из кинофильма «Неуловимые мстители». Кроме того, используются и зарубежные звуковые дорожки, и самой удачной, безусловно, является замена достаточно беспомощной музыкальной темы «назгулов» на песни группы «Рамштайн», что многими отмечается как одна из самых удачных находок Пучкова. Таким образом, саундтрек – не только обращение к отечественной культуре и «обрусение фильма», но и воссоздание более точной атмосферы.

В завершении необходимо сказать, что за счет всех данных приемов Д. Пучков не только адаптирует достаточно сложный фильм для массового россий-

ского зрителя, но и создает во многом принципиально новое произведение. Показательно, что многие зрители были уверены, что «Властелин колец» в «переводе Гоблина» – это и есть оригинальное произведение, просто в более адекватном переводе (как вышедшее ранее в его же переводе «Большой куш», «Харлей Дэвидсон и Ковбой Мальборо» и т.д.)

Ирина Михайловна Вознесенская – Татьяна Игоревна Попова

Россия, Санкт-Петербург

ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИЕ: СТРАТЕГИИ РЕАГИРОВАНИЯ НА ОШИБКИ В РЕЧИ¹

ABSTRACT:

The paper considers those messages of Internet virtual conversations that point the partner's poor spelling out. The authors analyze what motivates online interactive users' reaction to mistakes in partner's speech. Communicative strategy and tactics fulfilled through noting spelling errors are determined.

KEY WORDS:

Internet-communication – Internet-forums texts – speech standards – misspelling – communicative strategy – communicative tactics – conflict communication – communicative behavior.

Принято считать, что критика безграмотной речи в Интернете – удел строгих ревнителей чистоты русской речи, учителей-словесников, преподавателей. Однако наблюдение за речевым общением в сфере электронной коммуникации, в форумах и блогах показывает, что участники такого общения не остаются безразличны к качеству речи своих партнеров по коммуникации, достаточно часто реагируют на отступления от орфографических норм письма. Объектом рассмотрения в статье являются сообщения пользователей, содержащие указание на орфографические ошибки своих виртуальных собеседников. Речевая практика посетителей форумов и блогов показывает, что мотивами, побуждающими к реагированию на ошибки в речи оппонента, чаще всего оказываются не строгие (пуристические) лингвистические убеждения пишущих, а общее неприятие содержания или характера сообщения (его неуместность, неточность, глупость, так называемый флуд – заполнение темы форума потоком бессодержательных сообщений). Протест может вызвать тон сообщения (назидательный, категоричный), общее несогласие с мнением, оцен-

¹ Статья выполнена в рамках исследовательского проекта №1590 «Современная русская речь: проблемы нормы и динамика языковых изменений» при финансовой поддержке аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)».

кой, а также неприятие самой личности (глупости, наглости, необразованности, национальной принадлежности т.п.). Эти факторы служат «раздражителями», побуждая участников общения прибегнуть к указанию на ошибки как к инструменту, реализующему эти прямо не выраженные претензии. С другой стороны, поводом реагирования на ошибки могут служить и позитивные мотивы в том случае, если восприятию сообщения виртуального собеседника мешают отдельные речевые неточности, воспринимаемые как досадные помехи. Таким образом, то или иное сообщение конкретного пользователя дает толчок формированию определенной **установки** у коммуникативного партнера, побуждающей его к реагированию, предопределяющей поведение говорящего. С установкой связан определенный тип речевого действия, влияющий на целеполагание (см. об этом [Борисова 2005, Карасик 2007]). Как показывает материал, **коммуникативным целям** участников Интернет-общения, прибегающих в своих высказываниях к указанию на ошибки в речи, соответствует свой ряд **стратегий и тактик**.

I. Цель – выражение неприятия сообщения партнера

1. Указание на ошибку как реализация стратегии дискредитации

В межличностном Интернет-общении замечания в отношении безграмотной речи чаще всего используются с целью выразить свое неприятие текста кого-либо из участников электронной коммуникации, высказанных в нем суждений и оценок. С этой целью говорящий прибегает к компрометации сообщения партнера, опираясь на стратегию дискредитации его личности с помощью отсылки к безграмотной речи.

Наринэ: **Сначала научись писать, потом-выражай** свое мнение. / [http://www.nr2.ru/forums/396158.html]²

(о проведении фестиваля пива на Дворцовой площади)

А: Сван@: **Негодяи. Всегда на дворцовой проводили и сейчас надо было. Загоняют по высылкам русских, а немцам центр. Гады.**

Б: Русский ты наш:) **научись сначала грамотно писать и вести себя цивилизованно. А потом уже в центр просись.**

[http://www.fontanka.ru/blog/14473.html]

Механизм данной стратегии основан на том, что указание на безграмотное письмо формирует у потенциального читателя образ автора сообщения как незаслуживающего внимания и доверия в силу его низкого образовательного и интеллектуального уровня.

Суждение пишущего при этом направлено одновременно на двойного адресата: конкретного автора сообщения (вызывая его обиду, раздражение, злость) и коллективное сообщество пользователей (с целью вызвать недоверие к высказанному оппонентом мнению и оценке, нивелировать ценность и значимость высказанного им суждения). В первом случае воздействие име-

² Орфография и пунктуация источника сохраняется.

ет в значительной степени эмоциональный характер, что приводит к развитию диалога в жанре перепалки, перебранки, усиливая конфронтацию и агрессивный тон общения. Во втором случае снижение авторитета личности умаляет и ценность выраженного мнения, которое предстаёт как недостойное внимания и уважения, поскольку принадлежит невежественному человеку. Таким образом, стратегия дискредитации осуществляется с помощью **тактики обвинения в невежестве**, отказывающей безграмотному оппоненту в праве судить о чем-либо, развенчивая его притязания на выражение суждения. Коммуникативный ход, реализующий эту тактику, строится на директиве, предписании усвоить нормы орфографии и грамотного письма (в форме императива): *Прежде чем..., научись...; Сначала научись..., потом...; категоричного пожелания: Неплохо было бы...; Пора бы знать...; Не мешало бы знать...*

Стратегия дискредитации может строиться с помощью **тактики оскорбления**, опирающейся на коммуникативный ход прямой негативной оценки личности (ее интеллектуального и образовательного уровня) с использованием негативно-оценочной лексики, характеризующей человека (*бестолочь, «умник», грамотей, бездарь, мелкий даун*).

arcades: *Словарь сначала открой, потом «пеши» тут, мелкий даун.*

2. Указание на ошибки как реализация стратегии самопрезентации

Указывая на погрешности в речи другого, участник общения тем самым претендует на интеллектуальное превосходство, оказывая давление на партнера с позиции более высокого статуса, обеспеченного преимущественно опытом, знаний, умений. Используемая в этом случае **тактика коррекции поведения партнера** опирается на советы, наставления, рекомендации с оттенком назидательности, поучения. Например:

(из форума клуба собаководов):

*Приходите, великий анонимный знаток дрессировки! Только **советую Вам** не смеяться на курсах, а учиться! Гораздо полезнее для Вас. И **писать без ошибок тоже неплохо было бы Вам научиться!** И **правилам вежливости!***

Стратегия самопрезентации проявляется также в саркастических, язвительных замечаниях, реализующих **тактику насмешки**, демонстрирующей речевую и интеллектуальную искусственность говорящего, его превосходство, авторитет.

II. Цель – выражение поддержки сообщения

3. Указание на ошибки как реализация стратегии совершенствования сообщения

Если в диалогическом общении говорящий поддерживает содержание сообщения партнера, то к указанию на ошибку он прибегает в том случае, если хочет улучшить качество, повысить ценность и значимость содержащейся в этом сообщении информации. Замечания в таких репликах обычно имеют конкретный и конструктивный характер, информируют о конкретной ошибке, экс-

плицируют мотивы, побудившие указать на ошибки: *из-за ошибок трудно понять, ошибки мешают* и т.п. Например:

(реакция на опубликованные стихи)

Natalina: *Стихотворение мне нравится. Единственные огрехи – в небольших грамматических ошибках: КАК БУДТО; и, наверное, в седьмом четверостишии в третьей строке пропущена частичка «не»)*

Ошибка партнера представляется говорящим как досадная и незначительная оплошность, мешающая восприятию: *Жаль, что есть (орфографические, грамматические) ошибки; У вас там ошибочка; Извините, но...; К сожалению, неточно написано... и т.п.*

III. Цель – выражение скепсиса, сомнения в отношении содержания сообщения

4. Указание на ошибку как реализация стратегии нивелирования сообщения

Включение в речь указания на ошибки может служить средством снизить излишне серьезный, с точки зрения говорящего, пафос обсуждения темы, выразить сомнение в правомерности однозначных и категоричных суждений в отношении бытийных или профессиональных тем (например, религии, веры, специальных знаний в какой-либо области). Актуализируя ошибки в такого рода сообщениях, говорящий прибегает к **тактикам иронии, шутки**, использует **языковую игру**. Включение в шутливо-ироничный контекст позволяет переключить тональность, нивелировать серьезность темы, высказать сомнение в убедительности аргументации и достаточной правомочности участников общения обсуждать узкоспециальные вопросы.

Игорь: *Андрей мне надоело проводить с Вами ликбес. Возьмите Налоговый кодекс ч2 да почитайте какие санкции в случае сокрытия прибыли.*

Александр Л: *Игорь, когда в очередной раз будете проводить «ликбес», имейте в виду, что ликбез – это ЛИКвидация БЕЗграмотности (а не БЕ-Совщины)*

Цитата: А: *Люди добрые, памагите, ...*

Б: *Вот будешь грамотно писать, считать, научишься грамотно и стройно излагать мысли, глядишь – и справишься с проблемой!*

[<http://www.mysw.info/node/28504>]

Таким образом, речевое поведение участников сетевого диалога показывает, что апелляция к ошибкам в речи коммуникативного партнера используется как действенный инструмент с разным назначением, реализует кооперативную, конфликтную и центрированную (то есть с ориентацией говорящего на себя) установки (по К. Ф.Седову [Седов 2002]). Каждая из них имеет свои способы речевого оформления «орфографической критики» собеседника: 1) установка на конфликт (дискредитация суждения оппонента) оформляется эксплицитно с помощью грубых предписаний и негативных оценок (проявляя инвективный тип языковой личности); 2) кооперативная установка (конструктивная, бла-

гожелательная критика) определяет смягченные формы словесных реакций: констатирует отдельные ошибки (умалая при этом их серьезность диминутивами – «ошибочка», «частичка *не*», деликатными номинациями «огрехи», «недочёт»), включает вежливую форму «Вы», этикетные оправдания, извинения, смягчающие бестактность замечания (что характерно для куртуазного типа языковой личности); 3) центрированная установка, организующая общение с акцентом на самого говорящего, выводит в качестве актуальных средств критики косвенные формы указания на ошибки с помощью иронии, сарказма, языковой игры (что свойственно рационально-эвристическому типу языковой личности) (типология личности и терминология – К. Ф. Седова [Седов 2002]).

Результат апелляции к ошибкам партнера в соответствии с той или иной из отмеченных стратегий, интерпретация замечания в определенном ключе, заданном целеустановкой и избранной стратегией, отражается в такой характеристике речи как коммуникативная тональность. «Коммуникативная тональность – эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик 2007: 81]. Стратегии дискредитации формируют агрессивную тональность, стратегия совершенствования сообщения партнера определяет режим общения в фатическом ключе, обеспечивающем кооперативную координацию и поддержание отношений, менторская тональность проявляется в выборе стратегии самопрезентации и шутливая тональность создается тактиками насмешки, иронии, свойственными стратегии нивелирования.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БОРИСОВА, И. Н. (2005): *Русский разговорный диалог: структура и динамика*. М.
КАРАСИК, В. И. (2007): Коммуникативная тональность. In: *Жанры речи: Сборник научных статей*. Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 81-94.
Седов, К. Ф. (2002): *Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии*. URL: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7379&y=2002&vol=6077>

Международная научная конференция *Оломоуцкие дни русистов* отметила свой XX юбилей

Конференция Оломоуцкие дни русистов имеет многолетнюю традицию. Первый цикл конференции состоялся в далекие 70-е годы XX века, точнее – в 1976 г. Сначала Оломоуцкие дни представляли собой скорее семинар повышения квалификации преподавателей русского языка и литературы средних школ и гимназий. Однако с изменением положения РКИ данное мероприятие приобрело характер сугубо научной конференции, в которой принимают участие специалисты из многих стран мира. Конференция проходит под эгидой МАПРЯЛ и Чешской ассоциации русистов.

Юбилейные XX Оломоуцкие дни русистов состоялись со 2 по 4 сентября 2009 г. О своем желании участвовать в конференции заявило свыше 150 филологов из 13 стран мира; фактически участие приняло около 130 участников. Самым большим численным составом отличались, как всегда, делегации Российской Федерации, Чешской Республики и Польши; участие принимали и представители Австрии, Бельгии, Беларуси, Болгарии, Латвии, Германии, Словакии, Украины, Франции и Хорватии.

Торжественное открытие конференции проходило в актовом зале философского факультета Университета им. Палацкого при участии ректора Университета им. Палацкого проф. Л. Дворжака и заместителя декана философского факультета проф. Л. Даниэла. В почетном президиуме заседали и представитель Генерального консульства РФ в г. Брно Н. Г. Брякин, почетный консул РФ в г. Острава А. Зедник и председатель Чешской ассоциации русистов Й. Клапка. От имени организаторов участников конференции приветствовал нестор оломоуцкой русистики и основоположник Оломоуцких дней проф. М. Заградка, зав. кафедрой славистики философского факультета доц. З. Пехал и президент Оломоуцких дней русистов д-р Л. Воборжил. С краткой речью выступил и многолетний участник конференции, председатель Фразеологической комиссии Международного комитета славистов В. М. Мокиенко и представитель МАПРЯЛ И. М. Вознесенская.

После торжественного открытия на пленарном заседании итоги своей работы представили: Харри Вальтер (Германия, Грайфсвальд), фразеология: *Фразеология и субстандарт*; Зденек Пехал (Чехия, Оломоуц), литературоведе-

---

ние: *Литературный текст как отношение*; Йиндржишка Пилатова (Чехия, Оломоуц), языкознание: *Русский и чешский газетно-публицистические тексты. Концепции в теории, особенности на практике*.

Далее работа конференции продолжалась в четырех секциях с объявленными ранее темами и частными подтемами: лингвистической (Тема: **Язык, текст, коммуникация**. Подтемы: *Русский язык в сопоставлении с другими языками. Языковой субстандарт и его потенциал в современном дискурсе. Язык в Интернете и Интернет в языке – тенденции развития языка в интернет-среде. Теория языка и практика обучения русскому языку в вузах*), переводческой (Тема: **Межкультурная коммуникация и перевод**. Подтема: *Феномен неперевода – проблема или псевдопроблема современной теории перевода?*), фразеологической (**Фразеология и нон-стандарт**) и литературоведческой (**Русская литература – тексты и контексты**).

Лингвистическая секция работала в трех подсекциях, всего состоялось 46 докладов. Доклады, прочитанные в подсекции А, можно подразделить приблизительно на четыре тематических блока: (1) морфолого-синтаксическая проблематика в русско-чешском или русско-польском сопоставительном плане (напр., вторичные предлоги, причастие и его исторический фон); (2) специфика русского языка в интернете (языковые аномалии, стилистическая контаминация, выражение эмоций, «язык падонков»); (3) язык СМИ (культурно-языковая специфика текстов политического, парламентского или дипломатического дискурсов); (4) модели построения текстов поэтического текста.

Лингводидактическая подсекция Б работала в первый день конференции. Было прочитано 6 докладов, в которых уделялось внимание вопросам обучения вузовских студентов РКИ. Анализировалось значение культурологического подхода при обучении РКИ и пути формирования культурологической компетенции. Особое внимание было уделено историческому деловому тексту и методике работы с ним в группах филологов-русистов, технологии работы с современными деловыми текстами.

В подсекции В темы докладов группировались по следующим основным направлениям: (1) лексикология и словообразование в современном русском языке на фоне английского, чешского языков или в контексте данного этноса/диалекта; (2) когнитивная лингвистика – концепт или реконцептуализация картины мира данным языком, выражение вежливости в формулах приветствий; (3) живая спонтанная русская речь (контраст национального корпуса РЯ и практики повседневной речи, паремии как косвенный речевой акт, разговорная речь в поэтическом тексте).

В докладах применялся сопоставительный метод, исследуемые проблемы рассматривались на материале русского языка в сопоставлении с чешским, словацким, польским, английским, немецким и французским языками.

Работа секции подтвердила актуальность современного лингвистического исследования и наметила некоторые пути и методы дальнейшего развития языковедческой русистики.

В транслатологической секции прозвучало двенадцать докладов, в которых с разных точек зрения рассматривались частные аспекты вопроса переводимости. Границы переводимости выявлялись на конкретном языковом материале переводов Богумила Грабала на русский язык. Исследовались также способы преодоления безэквивалентности в переводных польско-русских словарях. Был зачитан доклад о рецепции переводов стихотворений Юрия Живаго из романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» на чешский язык, решалась проблематика взаимодействия творческих личностей автора и переводчика художественного текста. Самостоятельный блок выступлений был посвящен специфике перевода специальных текстов, а именно юридических и технических. Два доклада затронули проблему переводимости с позиций учебного перевода.

Выводы, к которым участники секции пришли в ходе работы, подтвердили основные тезисы современной теории перевода, а именно необходимость комплексного подхода к исследованию проблематики переводимости с учетом не только языковых, но и социологических и культурно-общественных факторов.

На **фразеологической секции** выступил 31 докладчик. По каждому докладу состоялась оживленная дискуссия.

Первый блок докладов был посвящен субстандарту в русской фразеологии и во фразеологии других славянских и неславянских языков, лексикографической презентации субстандартных фразеологизмов в толковых и двуязычных словарях, функционированию субстандартной фразеологии в диалектах, этимологии жаргонных фразеологизмов.

Второй блок был посвящен анализу фразеологизмов в рамках различных концептов (власть, счастье, глупость, деньги и др.) и идеографических групп. В третьем блоке докладов анализировалось функционирование фразеологизмов в художественном тексте.

В **литературоведческой секции** прозвучало 36 докладов, в которых затрагивались как общие литературоведческие вопросы, так и частные темы, а именно: определение ценностей литературного произведения, теоретические проблемы чтения, понимание литературного произведения и нахождение его смысла, массовая культура, художественное осмысление философских мыслей. Многие доклады были посвящены анализу произведений классической русской литературы (Гоголю, Одоевскому, Толстому, Достоевскому, Горькому) и русской литературе XX века (Брюсову, Хлебникову, Булгакову, Платонову, Набокову, Газданову, Шагинян и др.). Свое прочное место в работе секции на Оломоуцких днях заняла и проблематика древнерусской литературы. Были выдвинуты разного рода бинарные контексты, параллели, отношения, которые становятся основой многочисленных значений художественного текста. Доклады и дискуссия проходили в русле разных теоретических школ, в духе пересекающихся подходов и течений. Состоялась серьезная дискуссия об историческом и мифологическом контекстах литературного произведения и разного рода его интерпретациях. Однако можно вывести один общий знамена-

---

тель – возвращение литературоведов к тексту как к первоисточнику анализа и отказ от каких бы то ни было идеологических подходов.

О высоком теоретическом уровне докладов и практической значимости свидетельствовала оживленная дискуссия, продолжавшаяся часто и после окончания работы секций в кулуарах, и, прежде всего, отзывы самих участников.

Кроме рабочей программы, участникам конференции была предоставлена весьма богатая и интересная культурная программа, включающая, кроме традиционного торжественного банкета, также два концерта – «Русский музыкальный салон Прага» в часовне Тела Господня и концерт органной музыки в кафедральном соборе св. Вацлава, а также загородную экскурсию – посещение романтического замка-крепости «Боузов».

Доклады конференции будут изданы в сборнике *Rossica Olomucensia XLVIII*. Срок проведения следующих XXI Оломоуцких дней русистов назначен на 7 – 9 сентября 2011 г.

Ладислав Воборжил
президент конференции

Rossica Olomucensia - Časopis pro ruskou a slovanskou filologii je pokračováním ročenky *Rossica Olomucensia* vydávané olomouckými rusisty od r. 1968. Časopis je recenzovaným periodikem. Vychází dvakrát ročně. Od r. 2009 má i svoji elektronickou verzi.

Uveřejňuje původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou. V tomto smyslu jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, což dokládají autoři svým prohlášením.

Obsah časopisu má následující strukturu: vědecké a odborné stati, recenze, zprávy a kronika.

Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením.

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce května a října příslušného roku.

Texty příspěvků zasílejte na adresu:

Rossica Olomucensia, Katedra slavistiky, Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, Křížkovského 10, CZ-771 85.

E-mail: l.voboril@centrum.cz

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo rtf (např. novak.rtf, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku:

Jméno autora bez titulů v pořadí – jméno, (jméno otecké), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu cca 400 až 600 znaků s mezerami. Uvádí se za slovem Abstract:

Klíčová slova v angličtině – cca 10 – 15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words:

Text příspěvku – základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, od-

---

stavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat (stránky vyznačit případně pouze na tištěný text ručně). Mezititulky neoddělovat mezerami.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt.

Maximální rozsah **18 000 znaků** včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury).

Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Citace se uvádějí uvozovkami („Cituji“, «Цитирую», “Citation”), specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Použitá literatura. Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Kniha, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou k publikování přijaty.

Text „Pokynů pro autory“ v ruském jazyce je uveřejněn na internetové stránce katedry slavistiky: www.rusistika.upol.cz v oddíle Rossica Olomucensia.

Těšíme se na Vaši spolupráci!